

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

**КРЕПОСТЬ
ДУШИ МОЕЙ**

Генри Лайон Олди Андрей Валентинов Крепость души моей

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374188
Крепость души моей: Азбука, Азбука-Амтикус; Москва; 2014
ISBN 978-5-389-06050-0

Аннотация

«Был человек в земле Уц, имя его Иов...» – гласит Ветхий Завет. Здесь земля Уц, на соседней улице. Вот человек Иов – Артур Чисоев без видимой причины лишен семьи, имущества, здоровья. Он же Иаков, готовый бороться всю ночь с тем, чье имя запретно.

«Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною...» – гласит Ветхий Завет. Сказано-сделано: в старом гараже, мастерской пьяницы-художника. И падут тучи саранчи, хлынет огненный дождь, а трехглазый исполин выйдет на прогулку в городском парке.

«И пришли те два Ангела в Содом вечером...» – гласит Ветхий Завет. Воистину пришли – утром, на заседание горсовета, с огнем и мечом. Пришли и огласили приговор. Не верите, слуги народа? Рухнул дом, одна пыль столбом. Поверили, устрашились. Скоро взойдет последняя заря над обреченным Содомом. Где путь к спасению?

Новую книгу Г. Л. Олди и А. Валентинова «Крепость души моей» составили три повести – три истории, где сталкиваются две реальности: нынешняя и ветхозаветная. Мистика? Нет, конфликт двух систем ценностей, двух взглядов на человеческую жизнь.

[Буктрейлер к этой книге](#)

Содержание

Право первоуродства	7
1. Артур Чисоев	8
День первый	8
14:27	8
10:18	13
14:59	15
10:18	20
15:27	23
20 лет назад	28
17:41	34
21:03	43
ДЕНЬ ВТОРОЙ	47
08:42	47
10:00	55
11:03	61
11:57	65
17:39	72
23:55	76
2. АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ	78
ДЕНЬ ТРЕТИЙ	78
05:17	78
08:11	83
08:57	85

11:43	90
12:12	94
12:27	98
12:41	101
12:55	103
13:33	109
15:01	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов Крепость души моей

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Право первородства

Иов:

*– Не буду я молчать, не буду покоряться,
Невиновен я, и пусть меня накажет Бог.
О, если б с Ним я только мог,
Как равный с равным, состязаться!*

Дмитрий Мережковский

*Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей женой, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.*

Марина Цветаева

1. Артур Чисоев

День первый

14:27

...почему я ненавижу коньяк?...

– Зачем вы сдали кровь?

Чисоев не ответил. Он стоял спиной к главврачу, намертво впечатав в пол обе ступни в дорогих, сшитых под заказ туфлях. Врос в затертый линолеум, сделавшись частью скудного интерьера больницы – массивным, старомодным шкафом, который для смеху облачили в белый халат. Взгляд двух замочных скважин уперся в матовое стекло дверей, отсекавших путь в отделение нейрохирургии.

– Артур Рустамович...

Шевельнувшись, шкаф превратился в человека. Медленно, всем телом, развернулся, словно вместо шеи у него был бетонный надолб. Главврач едва не попятился. Лицо у Артура Чисоева было серым, как застиранная до дыр простыня.

– Что?

– Зачем вы сдали кровь?

– Что?

Артур моргнул. Раз, другой. Густые, сросшиеся на переносице брови собрались грозовой тучей. На лбу обозначились злые, резкие складки. Дрогнули губы:

– Сказали: нужно. Я и сдал.

Он внезапно пошатнулся. Ухватился за стену, чтобы не упасть.

– Вы с ума сошли, Артур Рустамович! Ну, прямо как дитя малое...

Стараясь говорить успокаивающим, мягким тоном, главврач шагнул ближе. Подхватил Чисоева под локоть, аккуратно, но решительно отлепил крупного мужчину от стены. Увлёк за собой, придерживая на ходу – ноги Артура слушались плохо.

– Мне что, учить вас надо? Дали бы денег...

– Сказали, нужна кровь...

Артур еле ворочал языком.

– Да я вас умоляю! Есть у нас кровь, есть!

– Сказали, надо...

– Мало ли что вам сказали? Уж для вашей супруги точно нашлась бы. И группа, и резус, можете быть уверены. А если, извините, вам так приспичило... Ну, вышли бы на улицу, достали сто баксов, кликнули добровольцев. Тут бы очередь выстроилась! Теперь отпайвай вас... Детский сад, штаны на лямках!

На воспитанника детского сада Артур Чисоев походил мало. Но сейчас ему было стыдно, как ребенку. Артур привык

держат удар. Валить, ломать, класть на лопатки – привык. В любом смысле. И вот – пожилой, хрупкий главврач тащит его на своем горбу. В глазах темнеет, колени ватные, подгибаются, как после «мельницы», когда тебя с размаху воткнули башкой в ковер... Действительно, какого хрена он поперся сдавать кровь?! Узкий бокс в отделении переливания походил на гроб. Старый, выщербленный кафель. Тусклый блеск инструментов. Жесткая кушетка застелена сине-зеленой клеенкой. Мертвенный свет люминесцентных ламп под потолком, казалось, источал резкий запах хлорки. «Вы знаете, какая у вас группа? Резус? Садитесь сюда. Поработайте кулаком...» Врачиха – пересушенная вобла. Амбал-медбрат. Второй тяж, привычно оценил Чисоев. На морде – трехдневная щетина, взгляд оловянный. И повадка знакомая. Бывший вольник? С таким пришлось бы повозиться, хоть на ковре, хоть где...

Выходя из кабинета, он чувствовал себя нормально. Легкая слабость. Чуть кружилась голова. И вдруг накрыло, словно заморыша-студента. От духоты, насквозь пропитанной миазмами страдающих тел. От вездесущей хлорки. От запахов пищеблока: кислый борщ, паровые тефтели. Тефтели, вспомнил Артур. Дурацкое слово; детская обида. Его едва не вывернуло наизнанку. Вспомнился знакомый с юных лет запах спортивной раздевалки: настоящий, мужской. Прав главврач, кругом прав: какого хрена?! Дал бы денег...

«Вика, – вспомнил он. – Там, за дверями, Вика. Мне ска-

зали: нужна кровь.»

Больной, шепнули ему из темноты.

«Я – здоровый.»

Больной. На всю голову.

«Мне сказали. Я пошел и сдал. Все.»

Ну и кретин.

«Я не думал. Я делал.»

– А зря, Артур Рустамович, – ворчливо заявил главврач. – Следовало бы иногда думать. Вы и бизнес свой тоже так ведете? Ни за что не поверю!

Оказывается, он говорил вслух. Плевать. Не важно.

– Куда мы идем?

– Ко мне в кабинет. Буду вас отпаивать коньяком. Похорошему вам бы сейчас красного винца. «Кагора», триста граммук. Извините, «Кагора» у меня нет. А тот, что в магазине – отрава. Примете «Арарата»...

– Не надо меня лечить. Я здоров...

– Не спорьте с врачом! Я ведь не учу вас, как зарабатывать деньги. Нам сюда, налево. Осторожней, тут ступенечки. Вот так...

В кабинете, где на дверях красовалась табличка «Ремизов С. С.», главврач первым делом распахнул окно. Ветер, только и дожидавшийся этого, мигом ворвался внутрь, принес с собой аромат жасмина и отцветающей сирени. Взъерошил кипу бумаг на столе и умчался прочь. Чисоева главврач усадил в кресло у окна – дышать, приходить в чувство – а сам

сунулся в тумбу стола. Скрипнула дверца; в тумбе звякнуло.

– Мне нужно быть там.

– Не нужно.

– Нужно, Степан Самойлович. Рядом...

– Вот же вы человек упрямый!

Ремизов выставил на стол бутылку «Арарата отборного» и два пузатых бокала.

– Успеете на дежурство. Операция – дело долгое. Если вдруг закончат раньше, мне первому сообщат. Но это вряд ли. Нечего вам зря нервы трепать. Поверьте, Виктории Сергеевне ваш сердечный приступ ничем не поможет.

– Почему так долго? Я уже три часа жду...

– Ну, батенька! Быстро только кошки родят. Это вам не аппендикс, извините, удалить. Да вы не сомневайтесь, профессор Кличевский – мировое светило. Бригада у него...

– Знаю, – угрюмо кивнул Чисоев.

– А раз знаете, нечего изводить себя понапрасну. Сейчас наше дело – ждать.

Степан Самойлович придирчиво рассмотрел оба бокала на просвет – видимо, изучая на предмет стерильности. Кивнул с удовлетворением; ловко откупорил бутылку. Чувствовалось: у главврача в этом деле большой опыт.

– Пейте. Только не залпом...

– Я в курсе, как пьют коньяк.

– Ну и замечательно.

Не почувствовав вкуса – одну лишь обжигающую кре-

пость – Артур сообразил, что они с главврачом выпили, не чокаясь. Как на поминках. Коньяк, подумал он. Всегда одно и то же: коньяк. Напоминание; пощечина из прошлого, из темноты. Я никого не предал. Я не пользовался запрещенными приемами. Я всего лишь не пил, когда пили другие. Промолчал, когда надо было вмешаться. Выждал, когда требовалось остановить. Один раз; давным-давно. Почему я ненавижу коньяк с тех пор? Почему в коньячном бокале вижу почетный кубок, где на краю стоит фигурка борца – Рустама Чисоева, моего покойного отца?

Он смотрел на бокал, как на врага.

– Еще? – по-своему понял его главврач.

– Да.

10:18

...все равно, и даже не слишком интересно...

До начала фотосессии оставалось минут сорок. Спешить было некуда. Темно-серебристый «BMW Тусооп» Виктории Чисоевой шел по трассе, приближаясь к городу. Новое покрытие шуршало под шинами. Не Германия, конечно. Но с тем кошмаром, который был здесь еще год назад – не сравнить. Сыто урчал двигатель. Бархатистая упругость рулевых накладок под пальцами, кожаное нутро салона, совершенство обводов; металлический зверь, послушный воле хрупкой амазонки – все это доставляло Вике неподдельное удо-

вольствие.

«670 лошадей! Хаманновский тюнинг! Эксклюзив!» – распинался Артур зимой, вручая ей ключи от подарка на день рожденья. А она не слушала мужа, пожирая глазами серебряное чудо, притрушенное блестками мягкого снега, ощущая с замиранием сердца: влюбилась! Влюбилась не в мужика – в машину. С первого взгляда...

Переливчатая трель мобильного заставила ее поморщиться. Вика никогда не разговаривала по телефону за рулем. И гарнитуру не любила. На миг скосив глаза, она скользнула взглядом по дисплею. Борис. Ничего, обойдется. Даже если она опоздает, Борис с Аллой справятся без нее – не впервой. Вика сбавила скорость, протянула руку – сбросить вызов. В этот миг темно-синий «Ниссан», шедший перед ней, резко вильнул вправо. Он уходил на обочину с риском свалиться в кювет. Из-под колес «Ниссана» вихрем взметнулась пыль. Целое облако пыли, которой неоткуда было взяться на новеньком шоссе. Вике померещилось, что пыль ворвалась в салон, хотя все окна были плотно закрыты. И в буйстве пыли, будь она проклята, из-за туши громыхавшего по «встречке» самосвала, который вез песок из Безлюдовского карьера, вдруг возник и надвинулся грязно-белый холодильник с оскаленной пастью радиатора.

Водителю маршрутной «Газели» надоело плестись в хвосте чадающего солярой «МАЗа». Он решил пойти на обгон. Ничего сложного: шоссе – на четыре полосы, места с из-

бытком, асфальт сухой, «МАЗ» идет не больше пятидесяти... Взбрыкнув, «Газель» отказалась слушаться руля. Рванула наискосок, через осевую. Если бы маршрутка не заартачилась...

Если бы Вика не сбросила скорость, отвлекшись на звонок...

Если бы «Ниссан» не вильнул вправо...

Если бы не пыль, перекрывшая обзор...

Она бы справилась.

Огромная ладонь легла на серебристый «BMW Тусооп». Другая ладонь опустилась на самосвал, прихватив края бортов. Вниз посыпались струйки песка, становясь лавиной. Пальцы третьей руки взяли синий «Ниссан» за капот и подняли вверх. Нашлась рука и для маршрутки. Вика так ясно видела эту партию, когда машины переставлялись, будто фигуры, бились друг о друга, а затем сбрасывались с доски, эти руки с запястьями, поросшими жестким волосом, рыжим и черным – словно она была высоко-высоко, там, где все равно, и даже не слишком интересно.

14:59

...видишь, как оно бывает?..

В кармане заерзал мобильник, поставленный на виброрежим.

Не глядя, Чисоев сбросил вызов. Ему звонили уже раз

двадцать – с того момента, как менты доложились про Виду. Телефон завибрировал снова. Артур попытался сунуть руку в карман – выключить чертов мобильник на хрен! – но что-то мешало. Как выяснилось, пустой бокал, который Артур машинально продолжал сжимать в пальцах. Захотелось вклеить бокал в стену – чтоб стеклянные брызги, чтоб звон, острей бритвы. От коньячного аромата мутило. Говорят, так пахнут клопы. Наверное. Артур понятия не имел, как пахнут клопы. У них никогда не было клопов.

– Еще капельку?

– Хватит.

– Ну, как хотите...

Поставив бокал на стол, Чисоев отключил телефон.

– Я пойду. Буду ждать там.

Он тяжело поднялся. Ноги держали.

– Может, все-таки останетесь у меня?

– Нет.

– Вас проводить?

– Нет.

С трудом, словно толкая камень в гору, он заставил себя добавить:

– Спасибо.

На обратном пути он заблудился. Промаяхнул где-то, спустился на этаж ниже, чем следовало. Этот коридор, казалось, проходил под всеми корпусами навывлет и терялся в бесконечности. Цементный пол, неровные стены, выкрашен-

ные до уровня глаз в темно-зеленый цвет. Выше – обшарпанная побелка. Под потолком, через каждые десять шагов – тусклые желтые лампы накаливания, забранные металлической сеткой. Изредка справа и слева попадались закрытые двери.

Куда он забрел?

Одна из дверей лязгнула и открылась. В коридор, дребезжа, выдвинулась медицинская каталка. На каталке лежало тело, накрытое простыней с бурыми пятнами. Торчала босая нога; на щиколотке, привязанный суровой ниткой, болтался клеенчатый ярлык. Труп, понял Артур. Как молотом в висок, ударило: «Вика!» Уймись, сказал он себе. Вика, расхохотались из темноты. Они скрыли, решили тебя не волновать, ты и так психуешь... Он до хруста сжал кулаки. Вика наверху, в операционной. Главный сказал, еще долго. Часа два, не меньше. Главный знает, что говорит...

Следом за каталкой объявился знакомый амбал-медбрат. Сейчас он был без медицинской шапочки, и Чисоев разглядел: амбал – крашеный. В косматой шевелюре цвета выгоревшей соломы пестрели черные «перья» – точь-в-точь пропалины. Вроде, не пацан, подумал Артур. За сорок мужику. И на педика не похож.

Просто придурок.

Придурок запер дверь и покатил каталку с телом в сторону Артура. Чисоев посторонился, брезгливо прижавшись к стене. Иначе было не разминуться. В двух шагах от него мед-

брат остановился, полез в карман, словно решив закурить – и устался на Чисоева. Взгляд его привел Артура в бешенство. И рожа небритая, и «перья», и...

Он сам не заметил, как присел на полусогнутых, втянув затылок в плечи. Памятный холодок пробежался по спине. Мышцы словно наэлектризовали. Давай, подсказали из темноты. Чего ждешь?

– Ты смотри, – вдруг сказал медбрат. – Ты осторожней, да?

– Смотрю, – кивнул Артур.

– Ты на дорогах смотри. Тачка, небось, крутая?

– Крутая.

– Ну вот и смотри. Видишь, как оно бывает?

Медбрат кивнул на труп под грязной простыней. Тело было большим, оно никак не могло принадлежать Вике, но Чисоева все равно затрясло. Не от страха за жену, а от внезапно нахлынувшей ненависти: беспричинной, ослепляющей. Скользнуть вдоль стены на сближение, левую – под подбородок, правую – на затылок...

– Водила это. С аварии на Полтавском.

– Какой еще водила?

– А такой. Грудная – в хлам, голова – всмятку. Ты смотри, не зевай...

Медбрат умолк, толкнул каталку и проследовал мимо Артура.

– Эй? – крикнул ему вслед Чисоев. – Как к нейрохирургии

выйти?

– Иди прямо, по первой же лестнице, какую увидишь.

– А дальше?

– На третий этаж...

Лестница обнаружилась через полсотни шагов. Третий этаж встретил Артура больничным амбре, и Чисоев, как ни странно, вздохнул с облегчением. Все лучше, чем подземный лабиринт, по которому возят трупы. Авария на Полтавском, сообразил он. Водила...

Тот самый?!

– Доктор, скажите...

– Я не доктор.

Сухоньякая старушка в больничной пижаме отшатнулась от Артура, как от дикого зверя. С усилием опираясь на костыль, она спешно заковыляла прочь. Чисоев сунулся к дежурной медсестре, сидящей за столом у входа в нейрохирургию:

– Не выходили еще?

– Нет.

– Скажите, девушка...

– Ждите. Когда закончат, вам сообщат.

– Артур Рустамович!

Он обернулся.

10:18

...это я ваш отель вскрывал...

Сеня Волчик был медвежатником.

На его визитке было написано синим по желтому: «ЧП «Медвежатники» предлагает услуги по вскрытию сейфов и замков. Работаем круглосуточно! Прибытие мастера в течение 30 минут!» Сегодня Сеня примчался за четверть часа. Шеф сказал: «бекицер, Сеня! На колеса и бегом! Когда шеф говорил: «бекицер», Сеня в уме переводил из Высоцкого: «Меня к себе зовут большие люди...»

И ни разу не ошибся.

Вскрывать отель ему довелось впервые. Сеня чувствовал себя неловко. За спиной топтались «маски-шоу»: броники, шпáлеры, морды, обтянутые дешевым трикотажем. Один все время заглядывал Сене через плечо. Если бы не он, Сеня уболтал бы замок ногтем на мизинце. А так пришлось ломать комедию. Сеня пыхтел, сопел, звенел инструментом. В шортах до колен, в футболке навывпуск, в шлепанцах на босу ногу, с желтым рабочим чемоданчиком, медвежатник выглядел тем еще жлобом. Внешность не раз спасала Сеню: там, где человеку с двумя дипломами давно начистили бы сурло, Волчик проскальзывал, как с вазелином. Даже с учетом своей кандидатской степени. О степени вспоминала только мадам Волчик, два раза в год: на Сенин день рождения и в день

смерти ее папы, Сениного научного руководителя.

– Быстрее можно? – спросили Сеню с нажимом.

– Уже, – согласился он.

Замок клацнул. В отель пошла часть «масок» и двое чинов. Сеня с первого взгляда назвал их: г-н Горсовет и г-н Облсовет. Он редко ошибался в оценке руководящих половых органов. Собирая инструмент в чемоданчик, Сеня разглядывал отель. Три звезды; ремонтируют под четыре. Место хлебное, центр города; рядом – парк. Он прикинул количество номеров, перемножил на сто баксов в день (для круглого счета), мысленно положил эту сумму себе в карман, вздохнул и направился к верному Россинанту. Тот, жалкий и облезлый, уже бил землю передним колесом.

– Ж-ж-жжжихх!

Едва не снеся Россинанту бампер, рядом встал породистый, злой «мерин». Из салона прынул г-н Адвокат. Движения новоприбывшего г-на были нервными и суетливыми, как у собачки чихуахуа. Вокруг запахло дорогим одеколоном.

– Я! – вскричал Адвокат. – Что здесь происходит?!

Две маски загородили ему дорогу.

– Я – представитель владельцев отеля! Я хочу знать...

Сене стало грустно. Он тоже много чего хотел бы знать. Например, где спит счастье. Но жизнь научила Сеню: не трогай г-но, не будет вони. Лучше покури, брат, табачку. Прислонившись к чахлому клену, он сосал мятую сигарету, пытал дымом и наблюдал, как г-н Адвокат бодается на улице с

вернувшимся г-ном Горсоветом.

- ...конкурс! В 2008-м...
- Хозяйственный суд... удовлетворив иск прокурора...
- ...сорок с половиной миллионов...
- ...своим решением признал недействительным...
- ...свидетельство на право собственности...
- ...договор-купли продажи...
- ...в рамках действующего законодательства...
- ...целостного имущественного комплекса...
- ...кассационная жалоба!..

В окне музшколы пиликала скрипочка. Галдели воробьи, ссорясь с голубями за хлебные крошки. Сеня позвонил шефу, спросил: ждать ли денег? Шеф отключил связь. Минутой позже он прислал СМС: «Забыть и насрать!» Затем позвонила мадам Волчик: напомнила Сене, что он идиот, и велела купить хлеба. Молочный батон и кирпичик «Бородинского». Сеня глянул в сторону булочной. Там стоял здоровенный оглоед – на таком пахать отсюда до Сахалина – и пялился на Сеню. Волосы оглоеда были выкрашены забавным образом: светлые, вроде липового меда, с черными «перьями». Мадам Волчик говорила, что так красят через специальную шапку.

Меньшинство, вздохнул Сеня. Мы с ним оба в меньшинстве. Сексуальное, национальное – какая разница? Хорошо, если толерантность. Хуже, когда погром. И хлеба купить не успеешь. Вставят, провернут – ему удовольствие, а мне?

– Сорок с половиной миллионов, – печально сказал Адвокат.

Он был один. Г-н Горсовет сбежал.

– Забыть и насрать, – предложил Сеня.

– Вам легко говорить... А кто вы, собственно, такой?

– Медвежатник, – объяснил Сеня. – Работаем круглосуточно!

– А что вы делаете здесь?

– Это я ваш отель вскрывал.

– Очень приятно, – вздохнул г-н Адвокат.

15:27

...теперь у меня новая жизнь...

– Они там что, взбесились?

– Рустамыч, ты только не нервничай...

– Это Дорфман! Это его хитрожопости...

– Рустамыч, не бери в голову...

Водители «скорых», курившие у въездного пандуса, отошли подальше. То, что не удалось главврачу, и лишь частично удалось внезапной, плохо объяснимой ненависти к амбалу-медбрату – это сделал Геныч, глава юридической службы Чисоева. Артур забыл о Вике. Загнал аварию в глухой угол сознания, забил двери и окна досками крест-накрест. Дал увести себя из корпуса на свежий ветерок, под елки. Атаковали его бизнес – хозяйство, как при жизни говорил отец.

Отец полагал, что у мужчины есть два хозяйства, одно из которых ниже пояса. И оба надо охранять любой ценой, рвать врага зубами. Если, конечно, ты мужчина.

Артур вспомнил, как в Махачкале, в гостях у Жорика Джалилова, бывшего танцора ансамбля «Лезгинка», отец хлебнул лишку и залез спать в будку к Карачуну, цепному кобелю-волкодаву. И как злобный, косматый, не признающий никого, кроме хозяина, Карачун рычал на всех, включая обалдевшего Жорика, не подпускал людей к будке. Отец же придавил часа полтора, выбрался наружу, поцеловал Карачуна в мокрый нос: «Кунак! Берег гостя...» – умылся и пошел к столу. Он обожал свежий ччар-лаваш, а бабушка Тават как раз принесла стопку горяченького.

Живой отец. Не бронзовая фигурка на краю кубка.

– Звонил Шамиль, – сказал Геныч, глубоко затягиваясь сигаретой. В последние годы он перешел на трубку: берег здоровье. Пачку штатовского «Parlament» Геныч носил в кармане на всякий случай, и случай пришел. – Мне звонил. Ты ж трубку не берешь... Он договорился с клиникой в Израиле. Профессор Лившиц на низком старте. И еще у немцев, с Гильзбахом, для страховки. Как только Вика будет транспортабельна, берем медицинский чартер. Я кинул бронь в «Air Charter Service», они подтвердили...

Артур не ответил. Кусал губы, хмурился.

– Отель я возьму на себя, – Геныча беспокоило, что от Чисоева пахнет коньяком. Геныч понимал, что алкоголь рас-

слабляет. Он бы и сам налил Артуру. Но Артур никогда не пил коньяк. Текилу, виски, водку – пожалуйста. От коньяка Чисоев отказывался наотрез. Такая вот причуда. – Разберемся. Ты, главное, не волнуйся. Ты Вику спасай. Мы сами...

– Что шьют? – спросил Артур.

– Горсовет выразил несогласие с продажей облсоветом здания отеля. Прокурор города подал иск от имени горсовета. Они считают, что на момент продажи отеля частному собственнику отель находился в совместной собственности двух советов. Насколько я в курсе, сейчас область переписывает свою долю на город, в спешном порядке.

– Если они вернут здание горсовету, пусть вернут нам деньги. И возместят средства, потраченные на реконструкцию...

– Шутишь? Дорфман скорее удавится.

– Или я его удавлю.

– Остынь. Я погнал к отелю Стасика, он разведал. Налоговая подала еще один иск. Они хотят ликвидировать отель, как предприятие. Производство по делу открыто, первое заседание – через пять дней.

– Почему так быстро?

– Не знаю. Думаю, команда сверху. Велели рассмотреть в сжатые сроки.

– Ликвидация? На каком основании?

– В ЕГР появилась запись об отсутствии предприятия по юрадресу.

– Что? Кто внес?!

– Конь в пальто. Исполкомовский департамент госрегистрации. Они якобы зафиксировали, что руководство отеля не находится по своему юрадресу. Налоговики тут же подорвались с иском в окружной админсуд. Я, кстати, сделал заявление, что это незаконно. Согласно законодательству внесение в госреестр такой записи возможно в двух случаях...

– Брось, Геныч. Законно, не законно... Нас топят.

– Выплывем.

– Это он Вику убил.

– Кто?

– Дорфман. Это он...

– Ты с ума сошел!

Артур рассмеялся. Услышав этот смех, Геныч – не Геннадий, даже не Генрих, а Егор Альбертович Геныч, с ударением на «ы», что сильно осложняло ему школьные годы – побледнел. Он имел несчастье встречаться с людьми, которые так смеются. Его мать шестой год жила в частном пансионате для душевнобольных. Геныч очень любил маму. Он навещал ее раз в неделю, если не чаще. Мама смеялась и настойчиво просила привезти внуков, Сережу и Оленьку, а у Геныча прихватывало сердце.

Он был холост и бездетен.

Чисоев сорвался с места. Крупный, сильный, в последние годы слегка заплывший жирком мужчина метался, как зверь, от ступенек, ведущих в корпус, до ствола ели-великанши – и

обратно. Бил кулаком в дерево, ободрав костяшки до крови и перемазавшись смолой. Пинал ступеньку ногой, хрипло матерясь – мягкий носок туфли не спасал пальцы. Казалось, он хотел этого: движения, крови, боли. Словно платил какую-то цену, предъявленную безумным, безжалостным кредитором. Геныч отошел подальше, не в силах оторвать взгляда от беснующегося Чисоева. Звонок мобильного он услышал не сразу.

– Геныч на связи. Что?

Он не мог поверить.

– Что?!

– Что?! – эхом повторил Артур, кидаясь к юристу.

У Геныча пропал голос.

– Говори!

Две требовательные руки схватили Геныча за плечи. Затрясли – так пес, играя, трясет матерчатую куклу. У Геныча лязгнули зубы. Запрыгали очки на носу. Кровь ударила в голову, вскипела, наполнила виски грохотом. Хорошо, подумал Геныч. Хорошо, что неотложка. Примут сразу. Когда инсульт, хорошо, если сразу.

Он знал про инсульт все: готовился заранее.

– Ну?!

– Нацбанк, – выдохнул Геныч. Больше всего на свете ему хотелось лечь и сдохнуть. – Они отозвали банковскую лицензию. Уже назначили ликвидатора.

– Какой банк?

– Наш, Артур. В смысле, твой...

Его отпустили. Держась за сердце, Геныч смотрел, как Артур меняется в лице – хоть сейчас в пансионат, к Генычевой маме. Если он спросит про Оленьку и Сережу, подумал Геныч, я сбегу. Я пробегу марафон с олимпийским рекордом. Видеть, как железный Чисоев, волк среди волков, сходит с ума, было невыносимо.

– Так не бывает, – сказал Артур.

Геныч кивнул.

– Ты пил коньяк? – спросил он.

– Да. С главврачом.

– Ты же не пьешь коньяк?

И я, мелькнуло в голове у Геныча. И я к маме, в байковой пижаме.

– Раньше не пил, – сказал Артур. – Теперь у меня новая жизнь.

20 лет назад

...земля тебе пухом, дорогой Рустам!..

Рустам Чисоев оставил Махачкалу летом шестьдесят восьмого.

Перебравшись с женой и маленьким Шамилем на новое место жительства, променяв «Буревестник» на «Динамо», а золотые пляжи Каспия на тьму мелких, дурно пахнущих речушек, он сразу перешел на тренерскую работу. За три месяца

да до переезда Рустам – еще на родине, где, как известно, горы в помощь – взял серебро на чемпионате СССР по вольной борьбе, уступив лишь Медведю из Минска. Лечь под белоруса, чьим отцом был асфальтовый каток, а матью бетономешалка – да, обидно, но не стыдно. Рустам так долго убеждал себя, что не стыдно, и что не проигрыш явился причиной смены места жительства, а условия, предложенные руководством спортобщества и одобренные в Министерстве...

Короче, сам поверил.

Артур родился под Новый год – во время переезда жена Рустама ходила беременной. Шамиль поначалу отнесся к брату с отменным равнодушием. Куда больше юного, вспыльчивого, гордого Шамиля занимали тренировки и упрямое желание сверстников доказать, что *Рустамыш* хоть и тренерский сынок, а тефтель. Шамиль не знал, что значит тефтель. Шамиль очень обижался. Когда, пять лет спустя, отец привел в зал Артура, кто-то опрометчиво назвал тефтелем новичка. Этого хватило, чтобы Шамиль избил дурака всмятку, а потом взял брата под опеку. Что значила в его понимании опека? – пахота до кровавого пота и никаких поблажек.

Отец одобрил.

Шло время. Артур рос крутым, Шамиль – великим. Чемпион города, области, страны, Европы... Иногда – реже, чем хотелось бы – стареющий Рустам возил сыновей в Дагестан: хвастаться. За Шамиля ему простили отъезд. «Сердце мое! –

говорил Рустам рыдающей жене, когда та преграждала мужу путь на вокзал. – Ну что за глупость: горячий регион? Кебаб, вино и друзья! Горячие объятия! Горячий шашлык! Кто в Махачкале обидит Чисоевых? Самоубийца, да? Меньше смотри телевизор, сердце!» Жена плакала и цитировала новости: в Цумадинском районе убит тот, в Гунибском районе застрелен этот, в Табасаранском районе...

Сыновья ждали на улице.

Болезнь подкралась со спины, как и подобает трусу. Рустам боролся до последнего. Все чаще он вспоминал минского Медведя, которому двадцать пять лет назад проиграл чемпионат СССР. Болезнь ломала круче могучего белоруса. Рустам ходил по палате и мычал: лошадиная доза промедола не спасала. Врачам говорил: это я пою. В горах так поют, когда радуются. Сыновей поднял, отчего не радоваться? Он был еще жив, когда наверху приняли решение о проведении открытого турнира в его честь. «Памяти Чисоева», – подразумевалось, но не озвучивалось. Что ж, сверху видно все: Рустама Чисоева похоронили за два месяца до проведения турнира.

Шамиль и Артур записались в участники.

Город встал на уши. Братья шли к финалу, как два раскаленных ножа сквозь брусок масла. Оба – тяжеловесы; им оставалось пройти полуфинал, чтобы сойтись друг с другом за кубок, где на краю чаши стоял бронзовый отец. Город предвкушал поединок, но в результате никто не сомневался.

Знал и Артур: ему не сладить с братом. Крутому – с великим, первородным. Знание таскалось за Артуром по улицам, сидело за одним столом, бродило ночью вокруг кровати. Шамиль хвалил все Артуровы поединки. Указывал на ошибки, давал советы. Отец будет рад, говорил Шамиль. Чемпион так привык быть первым, что не сомневался: отец обрадуется его победе и второму месту Артура. Так было всегда: отчего ж не сейчас?

Полуфинал назначили на субботу.

В пятницу приехал дядя Расул.

Строго говоря, он не был братьям Чисоевым дядей по крови. Но разве это важно? Дядя Расул явился помянуть друга детства. Дядя Расул снял номер в «Мире» и звал к себе. После турнира, сказал Шамиль. В понедельник. Обидится, вздохнул Артур. Ты его знаешь. Хорошо, в воскресенье вечером, сказал Шамиль. Сразу после финала. Наверняка обидится, повторил Артур. Он с дороги, сидит в номере, ждет нас. А мы не придем, в лицо плюнем. Ладно, кивнул Шамиль. Твоя правда.

Артур промолчал. Он знал, что делает.

Дядя Расул привез черной икры. В литровой банке. Сверху икра была залита подсолнечным маслом, чтоб не портилась. Дядя Расул родился в Сулаке, селе браконьеров, мастеров вспороть брюхо осетру. Еще он привез коньяк. Этот коньяк делали в подпольном цеху, принадлежащем дяде Расулу. Темный янтарь с запахом старого дуба и мускатного оре-

ха. Учитывая, что знаменитый Кизлярский завод пал в бою с разрухой и не успел возродиться к новой славе, продукция дяди Расула шла на ура. «Светлая память Рустаму!» – возгласил дядя Расул. Разлив коньяк по граненым рюмкам, размером с добрый стакан, он начал говорить о покойном: хорошее, только хорошее и ничего, кроме хорошего. Это была песня. Это был гимн. Это был плач седых гор над обмелевшим морем.

Артур пригубил.

Шамиль выпил.

Дядя Расул сам намазал братьям по бутерброду. Вспомнил, как водил их, маленьких, на кабанов. Он и впрямь водил, и ружья давал. Мужчины! Сыновья мужчины! Дядя Расул налил по второй. Смотри, Рустам! Каких орлов воспитал! Каких львов... Ничего, что ты ушел рано. Ты живешь в своих детях. Земля тебе пухом, дорогой Рустам! Твой прах здесь, а сердце твое – в горах!

Артур пригубил.

Шамиль выпил.

Дядя Расул заварил чай. Сделал еще бутербродов. Сливочное масло легко впитывалось ломтиками городской булочки. Черной, влажной после дождя землей ложилась икра. Дядя Расул легко мог, что называется, «накрыть поляну» в гостиничном ресторане. Десять полян! Сто! Но он был человеком старой закалки. Рестораны успеются. Рестораны – пхе! Сегодня – он и сыновья Рустама, о котором он скорбит. Нам

хватит. Правда, мальчики? Ваш отец – вы даже не знаете, какой это был золотой человек! Тетя Мегри выплакала все глаза. Дедушка Абусалим – вы помните дедушку Абусалима? – сказал: «Лучшие уходят рано!» Поцелуйте маму, мальчики, ей крепко досталось. Вах, эти болячки...

Ваше здоровье, дядя Расул, сказал Шамиль. Живите долго, не болейте. Вы нам теперь, как папа. Дайте я вас обниму. Борец умеет обнимать по-разному. Врагов – так, чтоб кости трещали. Друзей – так, чтоб сил прибавлялось. Вас я обниму так, что на сто двадцать лет хватит. Будьте здоровы, дядя Расул, и тетя Мегри пусть будет здорова, и дедушка Абусалим.

– До дна! – вскричал дядя Расул, утирая слезу.

Шамиль выпил до дна.

Артур тоже выпил до дна. В его рюмке плескался чай. Вечер только начинался.

Завтра Шамиль Чисоев проиграет схватку Денису Зайцу со счетом 1:3. Артур Чисоев победит Глеба Назаренко со счетом 3:0, а в воскресенье, в финале, порвет на тряпочки Зайца, ошалевшего от внезапной победы над «самим Шамилем». Стоя на верхней ступеньке пьедестала, мокрый от пота, прижимая у груди кубок – голова бронзового отца едва не выколола Артуру левый глаз – Чисоев-младший улыбнется рукоплещущим зрителям. «Молодец! – заорет с трибун Шамиль, размахивая руками. – Наша кровь!» Артур кивнет, с достоинством принимая похвалу брата.

Как старший – от младшего.

17:41

...будь ты проклят...

– Почему в объезд?

Личную реальность заклинило. Артуру казалось: он застрял в дверной «вертушке», которую шуточки ради поставили на стопор. И вот – ни туда, ни сюда. Он мог только пялиться на мир сквозь мутное, засиженное мухами стекло. Там, снаружи, люди беззвучно, по-рыбьи разевали рты. Медленно, словно в толще воды, проплывали автомобили... Чужая, бессмысленная, но все-таки жизнь. А его жизнь уложили на обе лопатки.

Он не сразу заметил, что Толик свернул с обычного маршрута. Автомобиль охраны – такой же «Lexus LX 570», как у самого Чисоева – следовал в десяти метрах позади, как привязанный.

– Ты куда?

– Проспект Гагарина перекрыли, – не оборачиваясь, отозвался Толик. – Авария, что ли? Или ЧП... Я сейчас по радио найду. Можно, Артур Рустамович?

Толик знал: шеф не любит радио. Но водителя распирало от любопытства. Из-за чего перекрыли целый проспект? Все, небось, уже знают, один он...

– Ищи, – отмахнулся Артур.

Не веря своему счастью, Толик поскорее – пока шеф не передумал – ткнул пальцем в кнопку, безошибочно попав на канал «горячих новостей».

– ...для установки рекламного билборда, – ворвался в салон взволнованный женский голос. – Работы вела бригада уроженцев Камеруна...

– И до нас докатилось, – буркнул Толик. Бритый затылок водителя побагровел от сильных чувств. – Политкорректность! Нет, чтоб сказать по-честному: «негров». И всем понятно. «Уроженцы Камеруна», блин... Да хоть Буркина-Фасо!

В школе у Толика по географии было «отлично».

Профессионально взволнованная дикторша, ЧП на проспекте, ворчание Толика, проблемы камерунских негров – все это было фуфлом. Плюнуть и растереть. Артур достал из кармана мобильный, включил, изучил список пропущенных вызовов. Геныч, снова Геныч, Шамиль в ассортименте, кто-то из юротдела, зампредправ банка, опять Геныч, директор отеля... Короедов. Кто такой Короедов? А, ну да, директор рекламного агентства... Геныч. Селиванова из благотфонда...

Звонка от Ксюхи не было. Чисоев открыл список СМС за двое суток. Нет, он ничего не проглядел. Сообщений от Ксюхи тоже не было. Артур набрал номер дочери.

«Абонент временно недоступен. Перезвоните позже.»

В прошлый раз ему ответили: «Абонент не может сейчас ответить на ваш звонок. Перезвоните позже.» А еще раньше

– просто длинные гудки. Трубку никто не брал.

– ...как сообщил рабочий, металлическая свая неожиданно целиком провалилась под землю! – в голосе дикторши звучал странный, почти сексуальный восторг. – Несмотря на это, бригада продолжила работу. Одна за другой сваи исчезали под землей, но это не остановило упорных камерунцев...

– Во придурки! – икнул, давясь смехом, Толик.

Он украдкой покосился на шефа. Толику частенько влетало от Чисоева за привычку болтать за рулем, комментируя что ни попадя. Он честно пытался сдерживать словесный понос, но получалось плохо. «Уволит!» – с тоской думал Толик после очередной головомойки. К счастью, отменная пунктуальность, двадцатилетний водительский стаж и прекрасное знание города спасали болтуна. Чисоев профессионалами не разбрасывался.

Не интересуясь терзаниями водителя, Артур вновь набрал номер дочери. Где ты, Ксюха? Возьми трубку, чтоб тебя! Он привык к закидонам дочери, смирился с ними. Ксения Артуровна – погода на улице. Можно ругаться, можно терпеть, но сделать ничего нельзя. К сожалению, старые привычки, основанные на опыте, дали сбой. Сейчас сам опыт рушился в тартарары.

«Абонент находится вне зоны досягаемости.»

Они с Викторией договорились заранее: если родится сын, назовут Рустамом. В честь Артурова отца. Если дочь – Ксенией. Так хотела Вика, и Чисоев не стал возражать. Он нико-

гда не спрашивал у жены: почему Ксенией? В честь кого? Или просто так? Теперь уже и не спросишь... «Типун тебе на язык! – Артур оскалился, словно мог вцепиться в глотку себе-дураку. – Спросишь! Ты у нее обязательно спросишь!» Мы сделали все, что могли, сказал профессор Кличевский. Вашей жене удалили разорванную селезенку. У нее перелом таза и политравма мягких тканей. Кровотечение в брюшной полости остановлено. Виктория Сергеевна без сознания на аппарате искусственного дыхания. К сожалению, нам пока не удалось вывести ее из комы.

«Какие шансы?» – спросил Артур.

Профессор пожал плечами: я – не гадалка. Она может очнуться завтра или не очнуться никогда. Сын генерал-лейтенанта медицинской службы Николая Кличевского, оперировавшего под артобстрелом, в землянке, при свете горящих свернутых газет, профессор считал лукавую надежду злейшим даром Пандоры.

«Я могу перевезти ее в израильскую клинику?» – спросил Артур.

Нет, ответил профессор.

«В немецкую? К Гильзбаху?»

Нет. Это убьет ее.

«Лекарства? Оборудование? – Артур видел, что профессор обиделся. Впрочем, он давно перестал обращать внимание на обиды собеседников. Кличевский с ним честен, это главное. – Спецпалата? Круглосуточный уход?»

Хорошо, кивнул профессор. Я подготовлю вам список. Лишь теперь стало видно, что Кличевский едва держится на ногах.

«Мне можно к ней?»

Нет.

«Я только посмотреть...»

Нет. Если произойдут какие-то изменения в состоянии госпожи Чисоевой (Артур отметил сухость тона и смену Виктории Сергеевны на госпожу Чисоеву), вам немедленно позвонят. Оставьте свой номер телефона и будьте на связи.

«Я понял, – сказал Артур. – Спасибо, профессор.»

Если я заговорю о деньгах, понял он, Кличевский даст мне в морду. Плюнет на разницу в возрасте и силе, и даст. Особенно после Гильзбаха. Не потому, что не берет. Возьмет, и по полной программе, со спокойной совестью. Но – позже. Из других рук. У каждого свои представления о гордости.

«Спасибо,» – повторил он.

Профессор еще раз пожал плечами. Если верите, сказал Кличевский, тогда молитесь. Говорят, помогает.

Артур скрипнул зубами. Он оценил это: «говорят».

– ...одиннадцатая по счету свая, – сообщила дикторша, – во что-то ударилась и застряла. Рабочие услышали из-под земли громкий скрежет. Двое испугались и убежали. Остальные не решились бросить порученный им объект и остались на месте. Как оказалось, свая пробила крышу вагона проходившего внизу поезда метро! Лишь по счастливой случай-

ности обошлось без жертв...

Не выдержав, Толик хрюкнул в кулак. Его разбирали здоровый хохот. Толик отдавал себе отчет: ржать жеребцом рядом с убитым горем шефом – последнее свинство. Да и вообще, зная бешеный норов Чисоева – опасно для жизни. Он давился, притворялся, что его душит кашель – и едва успел затормозить на красный свет, чего с Толиком давно уже не случилось. Рефлексы не подвели: скрипнув тормозами, «Лексус» – быть может, чуть резче обычного – встал, как вкопанный.

Возле светофора, оседлав хулиганский ВМХ-байк, на каком трюкачат безбашенные подростки, ожидал зеленого амбал-медбрат. Нынешний прикид его вполне соответствовал «стритерскому» велику: желто-голубая футболка с надписью «Just do it!» и художественно изорванные шорты из потертой джинсы. В футболке амбал выглядел куда более накачанным, чем в медицинском халате. С шутливой строгостью он погрозил Артуру пальцем-сосиской: «Смотри, не зевай!»

И, лихо крутнув педали, покатыл через переход.

Артур прикипел к нему взглядом. Зажегся зеленый, Толик плавно тронул с места, а Чисоев все следил за невозмутимо крутящим педали медбратом, выворачивая шею, пока амбал не скрылся из виду.

«Тачка, небось, крутая? – вспомнил он. – Ну вот и смотри.»

Ксюха. Почему она не берет трубку?!

«Видишь, как оно бывает?»

Ксюха не жила с ними. Когда в семнадцать лет, пользуясь беременностью, как рычагом, она вышла замуж за раздолбая Игорька, Артур подарил им квартиру. Вернее, не «им», а дочери. Он был против этого брака. Ему с первого взгляда не понравился патлатая сопля Игорек. Игорь? Гарик? Гоша, черт его дери?! – нет, Игорек до седых волос, и хоть застрелись. Где такому прокормить семью? Артур не доверил бы зятю мести полы у себя в офисе. Со свойственной ему прямоотой Чисоев в лоб заявил дочери: говно, не мужик. И ошибся: Ксюха уперлась. Замуж, и все тут! Из отца она веревки вила, дряннь.

С самого рождения.

Развод случился через полгода после рождения внука Вовки. Со скандалом, истериками и битьем посуды. Игорек распустил руки. Ксюха наябедничала отцу. Увижу тебя возле нее – в асфальт закатаю, сказал Артур герою дня. Увижу рядом с ребенком – изуродую, как бог черепаху. Понял? Это мой сын, сказал Игорек. Я требую... Артур ударил Игорьком в стену: с умом, без членовредительства. И повторил для закрепления. Больше Игорька никто не видел. Правда, Ксюха тоже не вернулась к родителям. Осталась в подаренной на свадьбу квартире – растить Вовку. После каждого визита к дочери Вика требовала подать на лишение родительских прав. Плакала, хотела забрать внука насовсем. Потом перегорала. Иногда, если Викины истерики затягивались, Ксюха на недельку переезжала с Вовкой к предкам. Звонила, к сча-

стью, регулярно. Через день, как минимум.

Артур отстегивал на нянек. Выбирала нянек Вика.

– ...движение поездов на линии метро остановлено. Проспект Гагарина перекрыт до выяснения степени опасности, – радовалась дикторша. – В данный момент сотрудники правоохранительных органов устанавливают...

– Сотрудники правоохранительных органов! – хмыкнул Толик. – Нет бы честно сказать: менты. Или ласково: «мили-и-иция»...

В январе Ксюха впервые упомянула о «Братстве Лилового Света». Артур поначалу не придавал значения. Но когда дочка заговорила о «Братстве» во второй раз, и в третий – забеспокоился. Сунулся в интернет: вроде, ерунда. Групповые медитации, дышим позитивом, выдыхаем отработанную карму. Денег не вымогают, крыша от медитаций ни у кого не поехала. Гневных писем родственников в сети тоже не обнаружилось. Под конец марта Ксюха заявила в гости с новым другом по имени Джахарлал. «Мой лиловый брат,» – объяснила дочь. Оставшись с «лиловым братом» наедине, Артур учинил ему допрос с пристрастием. За исключением имени, которое, ясен пень, было кличкой, парень оказался на удивление сносным. Спокойный, вежливый, без заискивания. Рассуждает здраво, не пижон. КМС по бегу с барьерами. Не чинясь, показал паспорт. Частный предприниматель: печать под заказ календарей, визиток, книг в мягкой обложке. Может, оно и к лучшему? Нашла себе Ксюха мужика, а

что бедный Джахарлал, так мы из него быстро сделаем зажиточного Шурика Петрова.

– ...поступила свежая информация! Выяснилось, что злополучный билборд устанавливало рекламное агентство «Медиа-Тор», директором которого является Короедов Анатолий Ефремович. В настоящее время господин Короедов на звонки не отвечает, в офисе фирмы его нет. Сотрудники утверждают, что не знают местопребывания директора. На домашний адрес господина Короедова выехала оперативно-следственная группа...

«Чтоб ты сдох, Короед! – мысленно пожелал Артур. Агентство «Медиа-Тор» входило в число структур, аффилированных с группой Чисоева. – Облажался, идиот. Черных нанял за гроши, а те напортачили. Теперь запаниковал, в бега подался... Далеко ли убежишь?»

Пиликнул телефон. Артур вздрогнул, словно проснувшись. С суетливостью, вызвавшей омерзение у него самого, он вывел сообщение на дисплей:

«Это ты убил маму. Будь ты проклят.»

Подписи не было. Номер телефона стоял на подавлении. Но Артур знал, кто прислал ему это сообщение. Стальная свая камерунского работяги проломила Чисоеву голову, ухнув в темные глубины рассудка.

21:03

...он еще летел...

...запах пота – резкий, оглушающий. Кровь стучит в висках. Сердце грозит выскочить из груди. Еще! В этот раз все будет иначе. Захват. Вход на бросок... Пол и потолок, словно по волшебству, меняются местами. Зал превращается в аттракцион «Сюрприз». Артур группируется, как учили, но падение вышибает из него дух.

– Вставай!

Он встает.

– Еще!

– Наша кровь! – смеется отец. – Давай!

Щенячий восторг. Кипит в жилах адреналин. Захват, вход – на пределе. Каждый взрыв, как у гранаты – последний. Когда отец показывал на сыне контрброски скручиванием или прогибом, маленький Артур ощущал: он полностью во власти силы, неизмеримо большей его собственной. Сила эта способна сделать с ним все, что угодно. В любой момент, не напрягаясь. Он взлетал к потолку спортзала – к небесам! – и падал на ковер. Затем вставал и лез воевать дальше, пре-красно понимая: шансов против отца у него нет.

Отец смеялся:

– Сила – дело наживное. Ну-ка, еще разок...

Рустам Чисоев не давал сыновьям поблажек. Учил по-

взрослому; наказывал, если провинились – всерьез. Стараясь не заплакать, Артур знал: сила отца – честная. Ей можно доверять. Эта сила не причинит ему вреда просто так.

Синяки и ушибы – не в счет. Куда ж без них на ковре?

...сейчас Чисоеву мнилось: он вновь во власти силы, неизмеримо большей его собственной. Только, в отличие от отцовской, эта сила не желала ему добра. Или желала, но по-своему, так, что добро превращалось в маньяка, поджидающего жертву в темной подворотне. Цели и желания новой силы были непостижимы. Ее нельзя назвать по имени, взглянуть ей в глаза, вызвать на бой – пусть без малейшей надежды на победу. Ей нельзя даже плюнуть в лицо перед смертью.

Плевать не в кого.

Он ходил по кабинету из угла в угол. Ковер без остатка поглощал звук шагов. Но Артуру казалось: эхо сотрясает дом, гуляя по закоулкам. Полно, дом ли это? Без Вики дом опустел, утратил смысл. Да, они с женой спали каждый в своей спальне, редко оказываясь в одной постели. Да, они неделями не виделись: когда Артур возвращался, Вика уже спала, когда она вставала – он успевал уехать. Да, они частенько отдыхали порознь: он любил безлюдные пляжи, она – беготню по музеям. Какая разница? Дом нуждался в присутствии жены, как тело нуждается в душе. А если еще и заявлялась Ксюха с малым...

Чисоев открыл бар. Коллекция вин хранилась внизу, в

специально оборудованном погребе, походившем на слегка окультуренный пещерный лабиринт. Здесь же выстроились, тускло отблескивая, надменные иноземцы: виски, текила, коньяк для гостей...

Нет, только не коньяк!

Он извлек бутылку 15-летнего бурбона «Wild Turkey American Spirit» и широкий бокал. Постоял, словно взвешивая – бутылка в одной руке, бокал в другой – и вернул бурбон в бар. Заливать горе алкоголем? Отец говорил: мужчина пьет на радостях. Даже на поминках мужчина радуется, что покойник прожил большую, достойную жизнь. Радует, что после смерти остаются дети и внуки, дела и поступки. Мужчина – тот, кто умеет радоваться...

Включив компьютер, Чисоев рухнул в любимое «президентское» кресло «Empire A» – Вика шутила: «Империя Артура!» – и не ощутил привычного комфорта. Ломило затылок, в поясницу словно гвоздь вбили. Сунулся проверить почту: личный, известный только близким ящик. Письмо было без заголовка, но Ксюхин адрес он узнал сразу.

«Не ищите нас с Вовкой. Мы ушли в свет.»

Артур взглянул на время отправки. Сегодня, в 10:18 утра. Именно это время назвал ему незнакомый мент, сообщая о ДТП с Викой. Мент изображал сочувствие с ловкостью паралитика, бегущего стометровку. Дышащую ненавистью СМС-ку дочь отправила много позже.

Таких совпадений не бывает.

В кармане дернулся телефон. Звонил Паша Гайворонский, замнач службы безопасности. Артур связался с ним из машины, велел разведать: что у Ксюхи дома.

– Артур Рустамович? Докладываю. В квартире вашей дочери никого нет. Записки и сообщения отсутствуют. Мы опросили соседей. Утром, в районе десяти часов, к Ксении Артуровне приехал минивэн «Форд». Трое молодых женщин, коротко стриженные, в длинных хламидах. Похожи на сектанток. Соседи утверждают, что видят их не в первый раз. Номеров не запомнили. За рулем был мужчина. Нет, не Джахарлал; другой. Джахарлал, он же Александр Петров, на работе и ни о чем не знает. Его алиби в этом смысле полностью подтверждено. Женщины поднялись в квартиру. Минут через десять Ксения Артуровна вышла с ними и с сыном. Шла, судя по рассказам, доброй волей. При ней был рюкзак. Все сели в машину и уехали. Объявить в розыск, Артур Рустамович?

Чисоев с минуту молчал – и нажал «отбой».

Он мог объявить Ксюху с Вовкой в розыск. Заплатить ментам, чтоб землю носом рыли. Нанять частных детективов. Выписать для Вики врачей из Израиля и оборудование из Германии. Выяснить все обстоятельства аварии, включая те, что не попали в протокол. Установить, кто стоит за рейдерским захватом отеля и внезапным решением Нацбанка. Узнать, кто надоумил Короедова нанять идиотов-камерунцев...

Артур расхохотался. Смех был похож на хриплый лай. Он свободен! Свободен от всего. От жены, дочери, внука. От бизнеса, денег, обязательств перед партнерами. Свобода! Абсолютная! Осталось лишь освободиться от последнего имущества – здоровья. Скажем, выяснить, что при сдаче крови его случайно заразили СПИДом... Это было, как свободный полет. Полет борца над ковром после броска, успешно проведенного соперником – и за миг до жесткого приземления, когда тебя возьмут в оборот и положат на обе лопатки.

Он еще летел.

Он еще не упал.

Продолжая смеяться, Артур прошел в дальний угол кабинета и отпер сейф. Поставил на стол футляр – бронза углов, красное дерево. Слабое усилие, и защелка открылась без звука.

В алом бархате лежал «Browning BDAO Compact». Подарок Шамиля на сорокалетие.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

08:42

...я вручала вам цветы...

– Зачем вы принесли бульон?

Девушка молчала. В руках ее был смешной, новогодний пакет: еловые лапы, слегка притрушенные снегом, и праздничные, глянцево-яркие шары. Когда девушка переступала с ноги на ногу, в пакете что-то звякало.

Бокалы с шампанским, подумал Артур. Если Новый год...

– Возьмите, – сказала девушка. – Пожалуйста.

Профессор Кличевский нахмурился. Он был с большого недосыпа.

– Возьмите. Это домашнее, для Виктории Сергеевны.

– Ей нельзя бульон.

– А тефтели? Куриные, диетические...

– Ей нельзя тефтели.

– Даже апельсин?

– Извините, мне надо идти, – профессор только сейчас заметил Чисоева, стоящего у лифта. – Здравствуйте, Артур Рустамович. Я не ждал вас так рано.

– Как Вика? – хрипло спросил Артур.

– Без изменений. К сожалению, мне нечем вас порадовать.

– Мы можем переговорить?

– Минут через тридцать, если вы не против. Только увы, вряд ли я вам скажу что-то новое...

Артур проводил Кличевского взглядом. Девушка стояла, как вкопанная, держа пакет обеими руками. Кажется, она готова была броситься вниз по лестнице, если бы Артур не загоразживал ей дорогу. Джинсы, оценил Чисоев. Вытертые, художественно порванные; из дорогого бутика. Блузка с бан-

том от Valentino. Туфли на низком каблуке, чтобы лишний раз не подчеркивать рост. Все, что пряталось в джинсах и блузке, было на уровне. На очень высоком уровне.

– Вы знакомы с Викой? – он шагнул ближе.

Девушка отступила к окну.

– Я работаю у Виктории Сергеевны. Мы все ее очень любим...

Моделька, понял Артур. Из Викиного агентства.

– Пойдемте на свежий воздух, – сказал он. – Я угощу вас кофе.

Она вздрогнула:

– Не стоит. Вы зря беспокоитесь...

«Да что ж она так меня боится?» – удивился Артур. Складывалось впечатление, что девушка встретила Чисоева не утром в больнице, где полно народу, а ночью, в темном переулке; что дикий хач-насильник вот-вот набросится на жертву. Он вернулся к лифту. Медленно, стараясь не делать резких движений, протянул руки ладонями вверх – будто собаку успокаивал.

– Как вас зовут?

– Таня... Татьяна Андреевна.

– Я сегодня не завтракал, Татьяна Андреевна. Я умираю от голода. Я хочу кофе. Черного и крепкого. У меня, как вы слышали, полчаса свободного времени. Уверен, поблизости найдется тихое, скромное кафе. Вы не составите мне компанию?

– Вы не завтракали? Совсем?!

– Совсем.

Девушку словно подменили. Крепче перехватив пакет, она быстрым шагом двинулась мимо Чисоева. Он нажал кнопку вызова лифта, но девушка не стала ждать.

– Пойдемте, – сказала она с лестницы. – Я вас накормлю.

Вокруг отцветала сирень. Крупные, махровые гроздья клубились облаками – закат над морем. В цветах жужжали редкие, бог знает откуда налетевшие пчелы. Одинокий шмель кружил над дощатым столиком, басовито гудя. Позже этот закуток оккупируют ходячие больные и их родственники, но сейчас здесь никого не было. За огромной липой, там, где начиналась асфальтовая дорожка, девочка лет шести прыгала по расчерченным мелом «классикам». Голова девочки от бровей и выше была плотно забинтована. Левая рука в гипсе, похожая на запеленатого младенца, висела на перевязи. Девочка морщилась – похоже, от боли – и все равно прыгала.

– Вот...

С деловитостью сестры, явившейся на продленку к младшему брату, Татьяна Андреевна опустошала пакет. Бульон, еще теплый, в литровом термосе. Судочек с куриными тефтелями. Ломтики свежайшей, воздушной булки. Из домашней хлебопечки, понял Артур. Два бокастых апельсина. Пластиковые стаканчики. Одноразовые ложка с вилкой. Достань

Татьяна Андреевна серебряный столовый сервиз на двенадцать персон – Чисоев не удивился бы. Сейчас он был ребенком, который следит за фокусником и волшебным цилиндром.

– Кушайте, – велела девушка.

– А вы?

– Я завтракала. Мне нельзя много есть...

– Кофе? – вспомнил Артур.

Девушка покраснела от смущения. Так краснеют только рыжие – лицом, шеей, грудью. Она поднесла пальцы к губам, молитвенно сложив ладони. Глаза Татьяны Андреевны наполнились слезами.

– Нет, – прошептала она. – Кофе у меня нет...

– Толик!

Толик возник, как джинн из лампы.

– Организуй нам кофейка.

– По-быстрому? – Толик размышлял вслух. – На кругу в киоске наливают. Из аппарата. Или сгонять в «Шинок»? Как у нас со временем? В «Шинок» – минут за двадцать обернусь.

– Бери в киоске, – принял решение Чисоев. – Если не очень бурда... И тащи сюда. А потом дуй в «Шинок». Татьяна Андреевна, вам с молоком?

– Мне чаю, – тихо попросила девушка. – Зеленого. Пожалуйста...

Толик испарился.

Артур взял тефтельку. Такие готовила мама. Когда сыновья в детстве болели, мама места себе не находила. Это никак не отразилось на ее строгом, красивом лице. Мамино беспокойство находило выход на кухне, откуда неслись вкуснейшие запахи. И еще: когда Чисоевых-младших дразнили «тефтелями», отец, смеясь, объяснил, что «тефтель» – наше, родное слово, от тюркского «кюфте»...

– Куриная грудка, – сказал Артур с полным ртом. – Мама добавляла в фарш сырой белок. Лук она перетирала в кашичку...

Девушка кивнула:

– И размоченный батон. Без корки.

– Батон?

– Обязательно. Я варю тефтели с морковью, петрушкой и сельдереем. Меня научила бабушка, она хорошо готовит. Вам нравится?

– Очень!

– Запивайте бульоном. С вашим телосложением надо хорошо питаться...

– Что вы рекламируете? – спросил Артур.

Она снова покраснела, как если бы он добавил: «Нижнее белье?»

– Бриллианты, – сказала Татьяна Андреевна.

Девочка, игравшая в «классики», перестала прыгать. Привлеченная видом еды, она подошла ближе. Здоровой рукой взялась за чалму из бинтов, скребя повязки ногтями. Навер-

ное, голова у девочки сильно чесалась.

– А я маму жду, – сказала девочка. – Она скоро придет.

Татьяна Андреевна улыбнулась:

– Тебе можно апельсин? Или ты хочешь тефтельку?

– Можно апельсин, – с уверенностью сказала девочка. –

Если вам не жалко.

– Нам не жалко. Нам ведь не жалко, Артур Рустамович?

– Ни в коем случае, – согласился Артур.

Налив себе второй стаканчик бульона, он следил, как Татьяна Андреевна чистит апельсин. Ну конечно, бриллианты. Движения ее рук были удивительно пластичны. За ними хотелось следить, не отрываясь. И шея – наклон головы, осанка. Лебединая шея.

– Как ваша фамилия? – спросил он.

– Бойко. А что?

– Ничего. Просто так...

– Славникова, – девочка взяла дольку апельсина. Остальные дольки лежали на салфетке, дожидаясь своей очереди. – Моя фамилия Славникова. А зовут меня Светой...

Ничего, мысленно повторил Артур. Ничего себе. Значит, Бойко. Значит, бриллианты. Он даже не стал интересоваться, кем приходится Татьяне Андреевне директор ювелирной фабрики Андрей Николаевич Бойко.

– Я вас где-то видел? – Чисоев сделал глоток бульона. – Раньше?

– Да, – с вызовом ответила Татьяна Андреевна.

– В агентстве?

– Нет, раньше. В 93-м, во Дворце спорта. Мне тогда было шесть лет...

– Вы были на мемориальном турнире?

– Я вручала вам цветы...

Не помню, понял Артур. Да, вручали какой-то букет. Кажется, гладиолусы. Я стоял на пьедестале с кубком в руках, играла музыка... На моем месте должен был стоять Шамиль. Если бы не коньяк, будь он проклят, если бы я остановил Шамиля, а не подливал рюмку за рюмкой... Там, на пьедестале, я был уверен, что получил удачу из рук отца – задним числом. Второй, стал первым. Как же я ошибался...

– Забыли? – девушка улыбнулась. – Ну да, конечно...

Протяни руку, думал Артур. Спроси телефон; назначь свидание. Пригласи в ресторан, за город, за границу, в Париж или на Канары. Не ради быстрой постели, а с дальним прицелом. Давай! Все удастся легче легкого. Модель, она умеет готовить, как мама. Дочь ювелира Бойко, а значит, твои деньги для нее – обычное дело. Влюбленная в тебя, дурака, с детства. Протяни руку и возьми. Откуда-то он знал: можно. Это проще, чем очистить апельсин. А еще он знал, что Вика мертва. Даже если смерть Виктории Чисоевой не подтвердит при встрече профессор Кличевский. Даже если не сегодня – завтра, через неделю. Вопрос времени. Дело прошлого. И вот – подарок. Кубок в честь победы. Новая жена вместо старой. Надо радоваться, благодарить; брат, пока дают,

не спрашивая, над кем победа, и победа ли это...

Вернулся Толик с кофе и чаем.

10:00

...первый транш в пятьдесят миллионов...

Охранники при виде хозяина взлетели орлами:

– Добрый день, Артур Рустамович!

– Привет, Костя. Привет, Стас. Как обстановка?

Он заставил себя улыбнуться.

– Все нормально, Артур Рустамович. Происшествий нет.

– Ну и ладушки...

Шамиль удивлялся: кто ж с охраной здороваётся? Быки, живая мебель. Да только ли Шамиль? В глаза подтрунивать не решались, но за спиной чесали языки. Артур помалкивал и гнул свое. Переброситься парой слов – язык не отвалится. Зато отношение другое. И помнят: шеф все видит, всех по именам знает. Лучше не нарываться.

Коридоры головного офиса, обычно торжественно-тихие, сегодня напоминали растревоженное осиное гнездо. Трели рингтонов, писк факсов; гул голосов, шарканье ног по ковровым дорожкам, шелест бумаг... Отмахиваясь – потом, все потом! – Чисоев ледоколом проломился в свою приемную. Не сдержав раздражения, вскипающего в груди, с треском захлопнул за собой дверь.

– Здравствуйте, Артур Рустамович.

Нелли Петровна, мисс Невозмутимость. Женщина без возраста, без семьи, без малейшего намека на сексуальность. Последнее качество Артур оценил сразу, и не потому, что опасался ревности Вики. В офисе решают проблемы, а не валят на диван юную куколку, которая знает не понаслышке все позы «Кама-сутры», но при словосочетании «Microsoft Outlook» обалдело хлопает длиннющими ресницами.

– Добрый день, – Чисоев сделал глубокий вдох и с шумом выдохнул, стараясь успокоиться. – Что у нас за дурдом?

– Будет лучше, если об этом вам сообщит Евгений Григорьевич. Он уже три раза заходил, спрашивал, когда вас ждать.

– Зовите. Я у себя.

– Хорошо, Артур Рустамович.

– Кроме Стрельникова, больше никого не пускать. И сделайте два кофе.

Дверь внутреннего кабинета он прикрыл без грохота. Присутствие Нелли Петровны отрезвило. Чисоев прошелся вдоль массивных столов красного дерева, выстроенных буквой «Г», мимо ряда кресел, обитых скрипучей кожей, и остановился возле аквариума. Два крапчатых ангела шевелили усами, скользя над дном – саперы, прощупывающие минное поле. Выше, меж розовых и палевых веточек кораллов, стайкой вились черно-желтые брахигобиусы, похожие на шмелей. Колеблемые потоком пузырьков из аэратора, колыхались листья криптокорины, длинные и плотные. В них шны-

ряла радужно-перламутровая мелочь.

– Кофе, Артур Рустамович?

Чисоев невольно потянул носом. Аромат был восхитителен. Да, израильский аппарат «Эден Таль»; да, жида умеют, это вам не «Шинок» и не киоск на кругу... Сегодня Нелли Петровна превзошла саму себя. Выходя, секретарша столкнулась в дверях с председателем правления. Увалень Стрельников с неуклюжей поспешностью отступил, давая женщине дорогу.

– Разрешите?

Говорят, в старину дурным вестникам рубили головы. Чисоев этой традиции не одобрял: звери мы, что ли? Да и вестников не напасешься, по нынешним-то временам. Что ты принес нам, черный ворон? – Стрельников вечно одевался, как на похороны. Стройкомпанию хлопнула налоговая? В полтавском филиале УБЭП устроило выемку документов? Рейдерский захват консервного завода под Балаклеей? Акции наших пакетов упали в ноль, теперь ими сортиры обклеивают?

– Заходи. И сразу – к делу.

Соболезнования, подумал Артур. Соболезнования от Стрельникова. Долгие, нудные, как дожди в ноябре. А главное, искренние. Вот уж в этом я точно не нуждаюсь.

– Понял, Артур Рустамович.

Быстрым шагом Стрельников прошел через весь кабинет и остановился перед шефом. В руках он держал «Эпплов-

ский» планшет и темно-коричневую папку из тисненой кожи. Судя по зловещему виду, папка не могла содержать ничего хорошего.

– Садись, – Чисоев кивнул на ближнее кресло.

Стрельников сел.

– Бери кофе.

Стрельников взял.

На тех ролях, где все расписано свыше, предправления был великолепен.

– Докладывай. Кратко и по существу.

Стрельников отдернул руку от чашки, словно обжегся. Выложил на стол планшет и папку, нервно поменял их местами, словно начинающий наперсточник – стаканчики.

– Нашему инвестфонду принадлежит пакет акций вагоностроительного завода «КВаРСЗ»...

– Двадцать семь процентов, – кивнул Чисоев.

– Совершенно верно. В последние два года объемы производства и ремонта вагонов на «КВаРСЗе» снижались. Пропорционально им падали котировки акций...

«А сейчас они просто рухнули, – мысленно закончил Артур. – Напророчил. Впрочем, нетрудно было догадаться...»

– Короче!

– Сегодня к вечеру будет обнародована информация о результатах тендера на ремонт подвижного состава столичного метро. Тендер на сумму сто сорок три миллиона долларов выиграл «КВаРСЗ». Пока эта информация неофициаль-

ная...

Кто-то из нас двоих сошел с ума, подумал Артур.

– Повтори, – он подался вперед всем телом. – Повтори, что ты сказал!

Стрельников отшатнулся. Глаза его забегали, как у во-ришки. Он не понимал, в чем провинился перед шефом.

– «КВаРСЗ» выиграл тендер на сто сорок три миллиона долларов! На ремонт вагонов столичного метро, – зачастил Стрельников, брызжа слюной. – Но это еще не все! Завод включен в государственную программу по разработке и серийному производству отечественных сверхскоростных пассажирских поездов. В качестве основного их производителя! Госфинансирование – сто три миллиона долларов. Первый транш в пятьдесят миллионов поступит до конца второго квартала...

Он захлебывался, распираемый лихорадочным восторгом. Ворон заливался соловьем, а Чисоеву слышалось хриплое, издевательское карканье падальщика. Я умер, подумал Артур. Вчера я все-таки застрелился в опустевшем, полном призраков доме. Вокруг, отныне и навеки – фальшивое посмертие. Меня дразнят счастьем, удачей, богатством, чтобы в конце концов столкнуть в ад для самоубийц...

Ледяные щупальца ужаса опутали сердце.

– ...поручено создать опытный образец отечественного двухэтажного вагона на сто сорок пассажирских мест, с дальнейшим запуском в серию. Государственное финанси-

ние по этой программе составит...

Все в порядке, убеждал себя Артур. Завод – лидирующий в отрасли. Неудивительно, что он выиграл тендер и получил госзаказ. Радуйся, идиот! Теперь пакет акций, на котором ты поставил крест, резко подскочит в цене... Радоваться не получалось. Для ужаса не было никакой рациональной причины, и это пугало еще больше.

– ...Артур Рустамович! Нужно срочно докупить акций «КВарСЗа», пока информацию не обнародовали! Завтра котировки полезут вверх, но до того времени мы успеем...

– Стоп!

Артур выбросил руку ладонью вперед, словно хотел захватить Стрельникову в подбородок. Предправления умолк на полуслове. Казалось, Чисоев и впрямь нажал на кнопку «Стоп». Артур выдержал долгую паузу, наслаждаясь тишиной.

– Мне нужно подумать.

– Артур Рустамович! – в отчаянии всплеснул руками «снятый с паузы» Стрельников. – Счет идет на часы! На минуты!

– Я сказал: мне нужно подумать! – багровея, рявкнул Чисоев.

– П-понял, Артур Рустамович...

– Все. Иди.

– У меня тут еще... – отважился предправления, демонстрируя папку и планшет.

– Оставь. Я посмотрю.

– Планшет... мне для работы...

– Забирай, – смилостивился Чисоев. – Все важное пере-
шлешь мне по локалке.

– Понял!

Стрельников кивнул с явным облегчением и, прижимая к
груди чудом спасенный планшет, бегом покинул кабинет.

11:03

...мне не нужна от вас какая-то помощь...

«Добрый день!

Меня зовут Оксана Демченко. Мы незнакомы. Точнее, я вас знаю, а вы обо мне никогда не слышали. В феврале умер мой отец. Я все собиралась вам написать и откладывала. Боялась. Вот, собралась. Мама не знает, что я пишу вам. Если бы знала, запретила. Она очень гордая...»

Странички в Вконтакте и на Фейсбуке ему открыла Ксюха, в прошлом году. Сказала: «Папа, ну ты прямо как лох!» – и открыла. Артур туда заглядывал редко. Следил, чтобы Ксюха, с ее-то дуrolомным азартом, не повыкладывала в открытый доступ, чего не надо. Когда Ксюху все-таки пробило на компромат, сменил пароли. Подписался в сообщество вольной борьбы, нашел пару-тройку знакомых тяжей. Те больше интересовались Шамилем: что да как.

Денег будет просить, подумал Артур. Гуляй, Оксана.
Не дам.

«...я заканчиваю Днепрпетровскую консерваторию по классу скрипки. Лауреатка международных конкурсов. Записала два альбома: «Сонаты и партиты И. С. Баха для скрипки соло» и сборник испанцев: Сарасате, де Фалья, Альбенис. После выпуска меня зовут в симфонический оркестр ДАТОБа. Я еще не решила. Мне предлагают гастроли за рубежом. Франция, Италия, Испания. Это здорово, но я боюсь надолго оставить маму. Ей сейчас нужна поддержка. Не подумайте, что я хвастаюсь. Я просто хочу рассказать о себе...»

К письму, упавшему в «личку», прилагались фотографии. С первой на Артура смотрела симпатичная, коротко стриженная брюнетка. Она смеялась, за ее спиной морские волны накатывались на пляж. Обычно такие брюнетки позируют в бикини. Эта была в джинсах и легкой куртке. Чисоев пригляделся: ну да, море-то не летнее. Как бы не ноябрь...

На втором фото брюнетка играла на скрипке. Чувствовалось, что снимал мастер. Девушка не играла – летела. Вольный взмах смычка, скрипка у плеча, подбородок склонен к инструменту. Оркестр на заднем плане служил полету фоном. Густая челка Оксаны Демченко упала на лоб, брови сошлись на переносице, губы что-то шепчут.

Артуру показалось, что он слышит музыку. Что летит вслед, задыхаясь. Отстает, хочет догнать, выбиваясь из сил;

тянется за ускользящим звуком. Это он-то, сын Рустама Чисоева, полагавший классику одним из видов неприятного шума...

Не пойми зачем он сунулся в Википедию. «Согласно решению Днепропетровского областного совета № 775-33/IV от 22 марта 2006 года Днепропетровское областное музыкальное училище им. М. И. Глинки переименовано в Днепропетровскую консерваторию им. М. Глинки. Ректором консерватории назначен...». 2006-й, подумал он. Сколько учатся скрипачи? Лет пять, наверное. Оксана успела, тютелька в тютельку. Будь она постарше, заканчивала бы училище. Или поступала бы в столице.

Музыка не уходила.

У Чисоева заболела голова.

«...в 1988-м вы приезжали в Днепропетровск. Я не знаю, с какой целью. Мама мне не сказала. Вы, наверное, ее и не помните, мою маму. Она работала горничной в гостинице «Астория», на проспекте им. Карла Маркса. В 1989-м, когда родилась я, а мама вышла замуж за моего отца, мама уволилась и стала домохозяйкой. Мой отец был главным архитектором города в течение восьми лет. Наша семья была обеспеченной, мама могла не работать. Отец был почти на тридцать лет старше мамы. Они любили друг друга. Я знаю, что любили. Мама очень плакала на его похоронах. А потом рассказала мне о вас.

Я не готова называть вас отцом. Мне не нужна от

вас какая-то помощь. Я замужем, мой муж – альтист, художественный руководитель струнного квартета «Элегия». Это он зовет меня на гастроли. Мы оба вполне востребованы, как музыканты, и не нуждаемся. Нашему сыну Алику полтора года. Если мы уедем на два-три месяца, его возьмет к себе бабушка. Мы еще не знаем, какая. Обе бабушки просто дерутся за внука. Третья фотография – его...»

На Артура смотрел серьезный пухлощекий мальчишка. Смотрел сквозь прорезь прицела – в руках Алик держал пластмассовый, ярко раскрашенный автомат. Внук, подумал Артур. Сейчас он меня пристрелит. И правильно сделает – я не помню, с кем спал в «Астории». Кажется, она была из пышек. Большая грудь. Очень стеснялась, просила выключить свет. Или это не в Днепропетровске? Столько лет прошло, куда там помнить...

Он встал, подошел к аквариуму. Крапчатые ангелы парили над дном, равнодушные ко всему. Ангелы, подумал Артур. И поток пузырьков – души умерших, стремящиеся вверх. Выбравшись на поверхность, пузырьки лопнут, станут частью воздуха в кабинете. Потом их вытянет сквозняком в окно, переработает в кондиционере, изменит до неузнаваемости ароматной струей освежителя. Стоило ли стремиться? Чтобы стать ничем, мизером без имени и памяти? Даже ангелы, и те полны равнодушия. Ангелы знают цену движению снизу вверх.

Сверху вниз, подумал он. Кто знает цену *этому* движе-

нию?

Или лучше сказать – падению?!

Ему было страшно. Ему предлагали дочь. Новую взамен старой. Скрипачку, лауреатку, красивую девчонку. Замужнюю женщину. Здравомыслящую, судя по письму. Дочь, которой от него ничего не нужно – кроме, наверное, любви. Ему предлагали внука. Любимца двух бабушек. Новогодний пакет с елкой и шарами – подарки, подарки...

Ему было так страшно, как никогда в жизни.

Он знал, что Ксюха с Вовкой пропали навсегда.

11:57

...я приношу вам свои извинения...

...изображение плыло перед глазами. Цветные пятна без смысла и содержания. Картинка на мониторе оборачивалась ковром осенней листвы. По шуршащим листьям, протянув руки для объятий, к Артуру радостно бежали новая жена, новая дочь и новый внук. Их лица заслоняли Вику, Ксюху и Вовку. Спешили вытеснить, заменить собой...

Он едва не ударил по монитору кулаком. Проморгался, возвращая ясность зрению; потянулся за остывшим кофе. К счастью, Стрельников так и не притронулся ко второй чашке. Рука дрожала. Едва не пролив кофе на рубашку, он осушил чашку одним глотком. Облегчение не наступало. Его бросало то в жар, то в холод. «За что?! – беззвучно кричал

Артур, чувствуя, как на висках вспухают синие, готовые лопнуть жилы. – За что мне все это? Испытание? Искушение?! Чего ты хочешь от меня?!» Кричал и не знал, к кому обращается.

Вот так, подумал он, и сходят с ума.

Осторожно, с маниакальной подозрительностью, Артур скосил глаза на монитор. Осенние листья рассыпались в прах. Вместо них дисплей перечеркивала по горизонтали оранжевая стрела «Яндекса». Пестрели ссылки и заголовки «горячих» новостей. Когда он успел переключиться на страницу поисковика, Чисоев не помнил.

«Отставка министра здравоохранения...»

«Совместные учения с войсками НАТО...»

«Госсекретарь США нанесет визит...»

«Отечественная экономика на распутье: взлет или очередное падение?»

«Региональные новости: Полтавский автосборочный завод заключил контракт...»

Артур щелкнул по ссылке.

«Директор Полтавского автосборочного завода Сергей Гладких сообщил о заключении контракта с «Hafei» – Harbin HF Automobile Industry Group Company Ltd. – на поставку 5 тыс. машинокомплектов автомобилей Hafei Br10. По словам директора, китайские партнеры поставляют свои машинокомплекты по весьма выгодной для завода цене, да еще и с отсрочкой платежа. До конца года планируется собрать всю

партию...»

В качестве заставки над сообщением красовалось фото малолитражки зеленого цвета. Автомобиль походил на лягушку, гладкую и довольную жизнью. Ее только что объявили царевной.

«Завод также выиграл тендер Министерства внутренних дел по закупке легковых автомобилей специального назначения. В результате милицейский автопарк пополнится 32-мя машинами Hafei черного цвета, оснащенными специальными звуковыми и световыми сигналами, в полном «обмундировании», сообщает пресс-служба предприятия.»

Снова фото: два бравых мента скалятся в камеру, опершись о капот новенького лаково-черного «мусоровоза». В позах ментов было что-то от рекламы стоматологического кабинета для гомосексуалистов.

Артур ощутил, как над ним разверзается Рог Изобилия. Его группа компаний была совладельцем Полтавского завода. До сегодняшнего дня дела там шли ни шатко ни валко. Контракт с китайцами и выигранный тендер МВД резко меняли ситуацию.

В боковой колонке браузера шли ссылки на другие новости региона. В глаза бросилось знакомое название: «Компания ООО «СИУ» выиграла тендер...» Уже понимая, что обнаружится по ссылке, Чисоев схватил оставленную Стрельниковым папку. Так и есть: информация о контракте с китайцами. В подробностях: цифры, выкладки, наскоро состав-

ленные графики, рамочный проект договора с «Hafei» на дальнейшую перспективу. А вот и данные по «СИУ» – еще одному детищу Чисоева. Компания выиграла тендер на строительство многофункционального физкультурно-оздоровительного комплекса в Купянске. Стоимостью... Машинально, подражая Стрельникову, Артур перевел сумму в доллары: полтора с лишним миллиона. Плюс подряд на ремонт и реставрацию оперного театра, здания мэрии... Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда! Тендер с самого начала выглядел безнадежным. Конкурент – «Ретро-Модерн Строй» – принадлежал сыну губернатора.

Строчки прыгали перед глазами.

«ГП «Облавтодор» закупает у ООО «Недра» 12 тыс. тонн нефтяного битума... 3,5 млн. литров бензина А-76 (80)... 3,5 млн. литров дизельного топлива... на общую сумму...»

Папка была набита деньгами. Тисненая кожа цвета свежого дерьма таила в себе миллионы. Блестящие контракты. Выигранные тендеры. Рвущиеся к небесам котировки акций. Зарубежные инвестиции... Риски? Артур расхохотался. Рисков не существовало. Он мог все! Ввязаться в любую авантюру, покупать и продавать, подписывать самые идиотские соглашения, не читая – что бы ни произошло, он окажется в выигрыше!

Новые деньги вместо старых.

В колонках компьютера мелодично тренькнуло: пришла почта от Стрельникова. Чисоев даже смотреть не стал. Что

там смотреть? – очередная порция даров. Рог Изобилия пахал без усталости. Удача шла лавиной, заваливая счастливицу, перекрывая кислород. Не в силах усидеть на месте, Артур вскочил, бросился к окну – распахнуть, вдохнуть воздуха! Рванул на шее удавку галстука, схватился за подоконник и замер. Внизу, на другой стороне улицы, у входа в магазин мобильной связи скучал амбал-медбрат.

– Ты! Гаденыш!

Словно почувствовав, что на него смотрят, крашенный сукин сын поднял взгляд на Чисоева и подмигнул.

– Стой, тварь!..

Торпедой, взявшей цель, Артур рванул прочь из кабинета. Он едва не снес массивную дверь с петель. В приемной Чисоев зацепился за край стола, сильно ушиб бедро – и выматерился от боли. Нелли Петровна изумленно охнула ему вслед. Впервые за годы работы секретарше изменила ее обычная невозмутимость.

В коридоре Артур сбил с ног очкарика-референта, на следующем шаге раздавив улетевшие к стене очки. Оправа и линзы хрустнули под каблуком. Очкарик дрожал, скорчившись в позе зародыша. Люди в ужасе шарахались в стороны, избегая обезумевшего шефа. С грохотом он ссыпался вниз по лестнице, вихрем промчался мимо поста охраны и вылетел на улицу. Вдогон кинулись Стас и Костя, преградили путь:

– Что случилось, Артур Рустамович?!

Рыча медведем, поднятым из спячки, Артур расшвырял охранников – и бросился через дорогу.

В уши ворвался отчаянный визг тормозов. Он едва не угодил под колеса маршрутной «Газели» – такая же вчера протаранила машину Вики. «Газель» встала, как вкопанная, вычертив на асфальте кривой черный след. Правое переднее колесо уперлось в бордюр. Визг продолжился: надрывались женщины в салоне, насмерть перепуганные угрозой аварии. Им вторила сочная водительская брань. К хору добавился вой клаксонов: движение автомобилей, идущих на поворот, нарушилось. Чисоев не остановился. Он видел цель. Совсем рядом: пять прыжков, три, один. Бить в спину? – не дождетесь! В лицо, только в лицо. Чтобы видел. Чтобы глаза в глаза. С разбегу он ухватил амбала за плечо и за шею, мощным рывком развернул к себе – и застыл соляным столбом, занеся кулак для удара.

Типичный качок. Футболка открывает могучую шею и бицепсы. Русый бобрик волос. Никаких «перьев». Гладко выбритые щеки. Запах дешевого дезодоранта. Незнакомый, чужой, посторонний человек. Даже сходство сомнительно: комплекция, рост...

Реакция у качка сработала отменно. Увидев занесенный кулак, он без колебаний ударил на опережение. Чисоев едва успел прикрыться плечом. Уберечься до конца не удалось: живая кувалда зацепила вскользь. Лопнула нижняя губа, на лацкан пиджака упали тяжелые, темно-багровые капли кро-

ви. Артура повело, он пошатнулся, отступил на шаг. Вскинул руки – защищаясь, останавливая:

– Извините, я обознался...

Вся ярость исчезла, со свистом изверглась в небеса, как пар из открывшегося клапана.

– Ты, урод! Обознался?!

Нет, не в небеса. Ярость нашла себе лучшееместилище, целиком войдя в мнимого медбрата. Качок жаждал продолжения. Он всю жизнь мечтал о таком: случайность, позволяющая дать выход силе, накопленной в тренажерном зале. Резким взмахом он снес выставленные Артуром руки, шагнул вперед – и на этом бой закончился. Костя со Стасом налетели на качка сзади, отработанно и слаженно, будто на тренировке. Заломили руки за спину, к затылку, складчатому как у бульдога, пригнули к земле...

– Ну ты, падла! Всрался?! – натужно хрипел качок.

Он силился вырваться. Но охрана свою зарплату отработывала с лихвой. У качка не было ни единого шанса.

– Один на один! По-честному!

Артур вытер рот тыльной стороной ладони.

– Давай, сука!

– Я приношу вам свои извинения, – на ладони остался кровавый след. – Я принял вас за другого человека. Готов компенсировать моральный ущерб. Парни, отпустите его...

Парни выполнили приказ с явной неохотой. Парни остались рядом с качком – на всякий случай. Молодцы, служ-

бу знают. Надо будет их поощрить. Качок тоже жаждал поощрения. Он выпрямился, покрутил затекшей шеей, хрустнул плечами. Бросил взгляд на мрачных охранников, сплюнул себе под ноги и с вызовом уставился на Чисоева:

– Ну? Компенсируй.

Чисоев достал бумажник. Извлек пять новеньких купюр по сто долларов:

– Хватит?

Качок не колебался ни минуты:

– А пошел ты!

Он сгреб деньги и в три прыжка свернул за угол.

17:39

...я ж бить буду, Артур Рустамович...

– ...в полную силу, я сказал!

Васёк ломанулся брать захват. Он сумел без потерь войти в ближний бой, даже зацепился, клещ весом с центнер. Но работать против вольника в трико Ваську, черному поясу дзюдо, было неудобно. Мешала привычка хватать за одежду. Он поймал Артура за запястье, правой рукой воткнулся подмышку, за спину, скручиваясь винтом...

Слишком долго!

Ростом выше Чисоева, Васёк подсел глубже, чем следовало бы. Артур дернул его на себя, вынуждая утратить равновесие, резким взмахом подхватил незагруженную ногу со-

перника – и послал героя дня через грудь, прогибом в падении. Васёк пошел легко, как первая рюмка. Опытный боец, он сгруппировался, готовясь к приземлению. Но Чисоев уже рушился следом, изворачиваясь в воздухе. Он отстал ровно на долю секунды, чтобы позволить дзюдоисту от души впечататься спиной в покрытие зала – и, не дав опомниться, упал сверху. Придавил, сковал, взял на удушающий, который вольникам запрещен. Впрочем, если жизнь – такая паскудная штука...

Васёк заколотил ладонью по татами.

– Следующий! Увижу поддавки – уволю!

Парни занервничали.

– На ковре начальников нет! Усвоили?

– А как же тогда «к начальству на ковер»? – отважился

Вовка Чиж.

– Сейчас узнаешь! – указательный палец Чисоева стволом пистолета уперся в грудь стушевавшегося остряка. – Леопольд, выходи! Выходи, подлый трус!

От его хохота Вовка побледнел. В юности Владимир Чиж пять лет оттрубил санитаром в психбольнице, в отделении для буйных. Он знал, кто так смеется.

– Только я это... – счел нужным предупредить жилистый, долговязый Вовка, деловито разминая ноги. – Я ж бить буду, Артур Рустамович...

– Бей!

– Ага, бей... у вас, небось, переговоры, а вы с фингалом...

– Бей, дурила! За каждый фингал даю премию!

– Буду стараться, Артур Рустамович. Вы уж не забудьте про премии...

– Порадуй шефа, Чиж!

Вовка затанцевал, закружил по залу. Стрелял ногами с безопасной дистанции: прямой, боковой, в прыжке. Артура он не доставал – так, баловство, разведка боем. Но и Чисову не удавалось сблизиться с вертлявым Чижом. Он маневрировал, низко пригнувшись, раз за разом отдергивал голову, когда Вовкина пятка разбойничьим кистенем пролетала рядом. Верткий, зараза. Кузнечик, мать его. Брыкается...

Удар в грудь Артур проморгал. Пятка Чижа оказалась твердой и убедительной, как дубовая киянка. Из легких вышибло воздух, Чисоева унесло назад, он едва не сел на задницу. Окрыленный успехом Чиж подскочил ближе, крутнулся на опорной, желая с разворота заработать премию, а то и две. Нырнув под удар, Артур с ревом ухватил Вовку между ног, вознес над собой – и завертел волчком. Кто-то из зрителей охнул, живо представив себя на месте кузнечика.

Чиж взлетел, грохнулся и оказался погребен под рычащим медведем.

– Шеф, хорош! – крикнул Стас.

– Он сдается!

Красный туман перед глазами редел медленней, чем хотелось бы. С опозданием Артур понял: задыхаясь, Вовка отчаянно лупит шефа ладонью по бедру. Он слез с Чижа,

протянул ему руку: вставай, мол. В голове крутилась дурацкая фраза из школьного курса литературы: «Добрые люди от него кровопролитиев ждали, а он чижика съел!» Чехов это сказал или Толстой, Артур не помнил.

– Яйца на месте?

– Всмятку, – просипел Вовка. – И премия накрылась...

– Будет, – пообещал Артур. – купишь новые. Следующий!

Чиж помедлил и ухватился за протянутую руку. Поднимаясь, он старался не смотреть в глаза Чисоеву. «Поддался! Он поддался, скотина! – гулким набатом ударило в виски. – Они все мне поддаются!»

– Ну, кто?! Кто еще?!

Он с головой нырнул в безумный водоворот – хрип, сопение, кипяток соленого мужского пота. Менялись соперники, Артур не замечал пропущенных плюх и ссадин от сорванных захватов – для него все слилось в один-единственный поединок без конца и начала. В пьяную, жестокую круговерть, имя которой – жизнь. Другой жизни у него не осталось. Он швырял и ломал, на полную, на всю катушку, как в последний раз. Так было два десятка лет назад, когда Артур Чисоев рвался к финалу. К победе на турнире, посвященном памяти его отца. К праву первородства, которого он был лишен. Он мог лишь выгрызть зубами, вырвать первородство у судьбы, и то на краткий миг.

Любой ценой!

Стены зала, размещенного в цокольном этаже офиса, вы-

гнулись чашей, призовым кубком – исполинской ареной. Сверху, с края чаши, за сыном следил бронзовый отец. Рустам Чисоев плакал. Рустам никогда не плакал при жизни, но все однажды случается в первый раз. От слез отца Артур рычал и зверел. Он не чувствовал боли. Не знал усталости. Он мог все! Бросок, переворот, проход, туше – ты видишь, отец?

Нет, ты видишь?!

Поясница. Колени. Плечи. Локти. Живот. Мышцы и связки. Суставы и сухожилия. Скорость и резкость. Сила и реакция. Ничего не болело. Все служило верой и правдой. Войдя в возраст, Артур старался поддерживать форму, но больше «качался», выходя на ковер редко, без фанатизма. Боялся порваться, слечь в реабилитацию. Сегодня страх сгорел в огне дарованной свыше уверенности. Все вернулось – и вернулось с лихвой! Так боролся Шамиль в молодые годы. На ковре Шамиль всегда был лучше младшего брата...

Отчего ты плачешь, отец?!

Да, ты прав – это финал. Остался последний соперник. Артур знал, что справится и с ним.

23:55

...подарок Шамиля на сорокалетие...

Он вломился домой за пять минут до полуночи. Дыхание его пахло коньяком. Коньяком, будь прокляты все лозы

от Дербента до Хасавюрта! Официант ресторана «Арарат», косясь на бешеного клиента, сперва пытался всучить Артуру дешевую, подкрашенную чаем «палёнку». И побелел, как мел, когда Чисоев схватился за мобильник – так хватаются за пистолет. Официант, а следом – вспотевший от страха главный менеджер, хорошо знали фамилии тех людей, которым собрался ночью звонить псих, требующий настоящего дагестанского коньяка. Настоящего, чтоб вы сдохли! Кого-то послали куда-то, двадцать минут, опасных, как бомба с включенным часовым механизмом, и Артур стал счастливым обладателем трех бутылок «Кизляра». Две из них он приговорил в отдельном кабинете, под бозбаш и толму, угощая менеджера и требуя от него ответить на вопрос: «За что?!» Третья, едва початая бутылка погибла – разбилась, когда Артур запустил её в стену. Менеджер к тому времени сгинул, и ресторан – тоже, а стена оказалась кирпичной, выщербленной – Чисоев стоял в глухом переулке.

– Такси!

Водитель тоже не ответил на вопрос: «За что?!»

Прислуга пряталась. Дом вымер. Это было кстати. Артур дважды падал на лестнице. И в конце, когда достиг цели, уронил самую важную вещь в своей жизни. Футляр с громким звуком, похожим на стон, ударился об пол, раскрылся – и ответ на все вопросы вывалился наружу.

На ковре лежал «Browning BDAO Compact».

Подарок Шамиля на сорокалетие.

2. АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

05:17

...насчет раба – ошибочка.

Некрещен и необрезан...

– ВСТАНЬ И ИДИ! – велели ему.

А он не встал и не пошел. Даже головы не повернул. Так и остался сидеть возле пыльного проселка. Тронул синюю кепку с длинным козырьком, сдвинул на ухо по давней, еще студенческой привычке. Прикусил сухую травинку, усмехнулся – и лишь тогда соизволил ответить:

– Не хочу.

Бездонное, светлое от жары небо моргнуло черным зрачком. Громыхнуло гневом:

– МЕНЯ ЛИ ОСЛУШАТЬСЯ ДЕРЗАЕШЬ?

Он рассмеялся. Сон нравился, хотя поначалу и удивил. Последнее время ночью он видел лишь образы – бессвязные, мутные, тревожные. После них случалось пить сердеч-

ное вместо утреннего кофе. В аптечке лежало импортное средство, рекомендованное знакомым врачом – большие розовые таблетки. Глотать снадобье он не спешил, держался. Глушить кошмары заморской химией Александр Петрович считал ниже своего достоинства. Справимся без панацеи!

– ИЛИ НЕ ВЕДАЕШЬ, СКОЛЬ ГРОЗЕН Я И РЕВНИВ?

Повезло – сон был ясен и чист. Горячий летний день. Бескрайнее хлебное поле рассечено проселком, словно каравай – ножом. Ветерок еле ощутим, вдоль обочины лежит сухая стерня.

Одна беда – в покое не оставляют.

– НАКАЖУ ОСЛУШНИКА ВЕЛИКИМ НАКАЗАНИЕМ. И БЛИЗКИХ ЕГО, И ДАЛЬНИХ!

– И собаку убью, – хмыкнул он. – И кошку, и мышку. Приемы мелкого уголовника. Так вот почему я всю жизнь попов не любил!

– КАК СМЕЕШЬ ТЫ, РАБ МОЙ!..

Он запрокинул лицо к небесам. В зените кружил смерч-аспид, длинный хобот тянулся к земле, к спелым колосьям. Ветерок стал ветром, затяжелел, ударил в лицо. Опалил жаром, запорошил глаза мелкой, как мука, пылью.

– Насчет раба – ошибочка. Некрещен и необрезан. И договор кровью не подписывал.

Плеснуло холодом. Смерч надвинулся, сминая хлеба. Рыкнул с яростью:

– В ЭТУ ЖЕ НОЧЬ ЗАБЕРУ ДУШУ ТВОЮ!

Он пожал плечами. Протер глаза, тронул козырек кепки. Походя вспомнилось: именно такую он носил, когда приехал на Целину. Синей она была недолго – выцвела, побелела.

– А я еще думаю: с чего мне всякая дрянь снится? Вот что значит на ночь с врачом пооткровенничать! Хотел правду – получил. Сегодня, выходит? Обидно, не скрою. От пары лишних лет я бы не отказался...

Страх медлил, топтался поодаль. Во сне Александр Петрович был молод и силен. Исчезла вечная спутница-боль, солнце светило ярче яркого. Даже грозное, небо манило, не пугало.

– Так за чем дело стало?

Сгинул смерч. Стих ветер, превратился во вкрадчивый шепот у самого уха:

– Потому и предлагаю. Пару лет? Хочешь десять? Двадцать?! Бери, не жалко! Но и ты уж постарайся, сделай, что велено. Историю в университете учил? Как римляне говорили: «Даю, чтобы Ты дал.» Ты мне, я – тебе...

Липкие, приторные слова. На висок будто мед пролился:

– И не геройствуй, ладно? Ты ведь не сразу помрешь, и не сам. Тебе уже семьдесят пять, можно и характер проявить. А дочь твоя? Внуки? Метод старый, но эффективный. Не чета тебе – гордецы на брюхо падали. Проникся, да?

Мед стал льдом. Вернулась боль, вцепилась клыками, путая мысли.

– И заметь: не о мерзости прошу, не о смертоубийстве.

Дело благое, нужное...

С болью он совладал. Расправил плечи, выплюнул травинку изо рта:

– Нет! Сначала – благое и нужное, а после родную дочь резать заставишь. Книгу Судей читал? Помнишь, что с Иеффаем случилось? Тут главное – первый раз поддаться. Нет, не выйдет!

– НЕТ?! – ударило с небес. – ПО СИЛАМ ЛИ ОТВЕТ ДАЕШЬ, ЧЕЛОВЕК?

Ответил он небу:

– Дело не в силе. Дело в том, по Чьему Образу и Подобию человек сотворен. Камешек, что от горы откололся, мал, но тверд, как гора. И края острые. Сила не справится, тут иное требуется. Человека мало убить – его убедить нужно.

– ТЫ СКАЗАЛ!

И смерч взял его.

Поле – желтая скатерть до горизонта – теперь было внизу. Серая лента проселочной дороги, жалкая фигурка на обочине. Синие джинсы, синяя кепка, клетчатая застиранная ковбойка...

– Тяжелый случай, – хмыкнул он.

Представился класс: парты в три ряда, доска, на столе – бокастый глобус. Очередной юный школьник склонил повинную голову, но каяться не спешит, смотрит исподлобья. Пригрозить вызвать родителей – все испортишь. Обратится

шкодник в звереныша, захлебнется гневом.

Иначе, иначе надо!

– Ты сам-то книгу Судей давно перечитывал?

Человек, сидевший у дороги, щелкнул пальцами по козырьку кепки. Словно честь хотел отдать, да передумал.

– Ты, между прочим, географ, не богослов. Неужели думаешь, что все события, упомянутые в Библии, одобряются Богом? Иеффай сам убил свою дочь, причем безо всякой пользы. Он не был священником и не имел права приносить жертву. Не мог и обещать принести «первое, что выйдет». Скажем, ему навстречу могла выйти нечистая собака или верблюд. Этот разбойник так и остался в душе язычником. А насчет раба... Не путай времена дядюшки Тома и Древний Восток. В библейскую эпоху раб – младший член семьи. Бесправный, но свой. Маленький камешек возле высокой горы.

Человек поднял голову. Слушает! Теперь главное – не давить.

– По поводу того, что тебе предложено... Ты одну лишь сторону разглядел. А сторон, между прочим, даже не две – больше. Для начала представь, что кто-то решил взорвать в твоём родном городе бомбу. На двадцать килотонн, как в Хиросиме...

...сейф в летнем сером плаще...

Дверной звонок оторвал Александра Петровича от кофе. Последний глоток остался, самый сладкий. Колеблясь, он поглядел в сторону коридора, взвесил чашку в руке. Дочь и внуки звонят дважды, соседи сверху – один раз, зато долго, от души. Тот, кто стоял сейчас за дверью, нажал кнопку с очевидной робостью. Вместо привычного «ти-рим-бом!» – убогое «трим». Даже без восклицательного знака.

Продавец меда? Очередной свихнувшийся сектант с евангелием американской печати в зубах?

«Знаете ли вы истинное имя Бога?»

Каждый раз он сдерживался, чтобы не ответить с привычным ехидством. Грех обижать убогих, еще заикаться начнут. Знакомый полковник-опер в таких случаях рапортовал:

«Я даже истинную фамилию его знаю!»

Клюка в руке, тапочки на ногах...

– Иду!

Пока добирался, сообразил, что на часах – начало девятого. В такую рань ни коробейники, ни психи-адвентисты не жалуют. Может, все-таки соседи, но снизу? Трубу прорвало?

За облупившейся дверью, ведущей в службы, царил тишина. Не уловив буйного гласа Ниагары, он вздохнул с облегчением, поймал левой ногой своевольный тапок.

– Кто там?

– Это я, учитель!

– Кто «я»?

– Я, Чисоев Шамиль! Извините, что разбудил...

Голос он узнал сразу, но тем не менее глянул в глазок.

Не ради проверки – для эстетического удовольствия. Каждый ли день узришь у собственного порога самодвижущийся стальной сейф в летнем сером плаще?

Полюбовался – и дверь отворил. Хотел пошутить насчет ранней пташки, но, увидев лицо гостя, раздумал.

– Я встаю с рассветом, Шамиль Рустамович. Заходите.

Сейф шагнул за порог, взялся за лацканы плаща:

– А почему по имени-отчеству, учитель? Я что-то не так...

Прорезался акцент, скрытый прежде. Сейф исчез, превратился в растерянного мальчишку. Ребенок с трудом привыкал к чужому городу, к новой школе, к непривычной речи:

«Я что-то нэ так сдэлал, учытэл?»

– Это тебе за «учителя», Чисоев. Сколько раз объяснять, что я – не товарищ Мао! В прихожей не стой, плащ снимай. Вешалку найдешь?

– Уже нашел...

– Кофе или чай?

– Э-э-э... Если можно, чай, Сан Петрович. Кофе боюсь. С утра сердце болело, как после тренировки. Когда долго в зал не ходишь, сердце отвыкает... Хотел лекарство пить, представляете?

Он чуть не ответил «более чем», но предпочел отмолчаться. Его собственные недуги обождут. У Шамиля Чисоева, ученика 6-Б, стряслась беда. Мальчик ранимый, замкнутый, гордый. То, что Шамиль пришел к нему, к классному руководителю, дорогого стоит.

...сколько лет минуло? Тридцать пять? Больше, больше...

– Туфли снимать не надо. Не надо! Чисоев, тебе же русским языком!..

08:57

...разговоры не помогут...

– ...Нет, не слышал. Я, Шамиль, новости редко слушаю. Раньше ВВС включал по старой памяти, потом бросил. У них теперь тоже реклама...

Александр Петрович, бывший учитель географии, бывший классный руководитель, бывший заслуженный учитель бывшей республики, аккуратно опустил чайник на вытертую подставку из можжевельника. В последний момент рука дрогнула, тяжелая капля ударила по крышке фаянсовой сахарницы.

– Но это меня ничуть не извиняет. Какой кошмар! А мне казалось, что у кого-кого, а у твоего брата всегда всё будет в порядке.

Чисоев Шамиль с трудом привыкал к жизни на новом месте. Дичился, дрался с одноклассниками, ссорился с учите-

лями. Один лишь физрук плясал от радости – бегал к директору, защищал, уговаривал. Новому классному руководителю досталась нелегкая ноша. Зато Чисоев Артур по жизни шел вприпрыжку. Быстро находил друзей, ладил с педагогами.

Улыбался...

Учителя хвалили, директор одобрял, ставил в пример. Александр Петрович помалкивал, но старший Чисоев ему определенно нравился больше младшего. Географ не слишком жаловал улыбочивых везунчиков.

– Мне тоже, – Шамиль кивнул, соглашаясь. – Так ведь и было! Все в порядке было, Сан Петрович, дорогой! В шоколаде-мармеладе! Не понимаю, что происходит. Никто не понимает!

Бывший шестиклассник, бывший победитель спортивных олимпиад, бывший чемпион Европы осторожно взялся за чашку, подержал на весу.

Отхлебнул, выдохнул резко, как после коньяка:

– Милицию на уши поставил. Врачей созвал, на целый госпиталь хватит. Мэр помощь обещал. Херня, Сан Петрович! Извините... Вчера мне экстрасенса привели. За ним – цыганку Раю, ясновидящую. Блин, скоро шамана доставят! Чартером с Чукотки! А ночью школа приснилась. Шестой класс, первый год, как вы наш обезьянник взяли. Снится, будто я урок не выучил. Учебник на русском, а я язык забыл. Чуть не помер от ужаса... Проснулся, вас вспомнил. Дай, ду-

маю, схожу, посоветуюсь. Хуже не будет...

Александр Петрович прикусил язык, боясь сболтнуть лишнего. Если по чести, толку от него, пенсионера, меньше, чем от шамана с бубном. Не говорить же такое в лоб! Шамиль издергался, за соломинку хватается.

– Что вспомнил, молодец. В любом случае чаю выпьешь, а это уже польза... Позволь, я тебе пару вопросов задам?

Дождавшись кивка, отодвинул в сторону пустую чашку. Наклонился, поймал взглядом взгляд:

– Виктория, жена Артура... Ты все сделал, что нужно?

– Я...

– Подробности опусти. Просто скажи: да или нет.

Чисоев нахмурил широкий лоб:

– Все. Что мог, сделал.

– Дочь Артура?

– Найдут, – Шамиль оскалился по-волчьи. – К вечеру найдут, обещали. Их найдут, и похитителей найдут. Я с ними, с шакалами, сам говорить буду.

Огромная ладонь мягко, страшно легла на скатерть.

Дрогнула...

– С делами, с фирмой – или что там у Артура? – его подчиненные разберутся?

Сейф шевельнул каменными плечами:

– Куда они денутся, Сан Петрович? Я их сегодня, прежде чем к вам ехать, выстроил – и доброго дня пожелал. Они все поняли, прониклись... Там еще закавыка: самозванцы объ-

явились.

Видя удивление в глазах бывшего учителя, Шамиль поспешил разъяснить:

– Письмо Артуру пришло. Вторая семья у него образовалась, понимаешь! Дочка, внучка, Жучка. И скрипка, чтобы не скучно было. Одна семья пропала, другая появилась. Интересное совпадение, да? Ничего, и семьей займусь, найду время!

Аккуратно подстриженные ногти с визгом царапнули по клеенчатой скатерти. Александр Петрович нахмурился:

– Этим не ты должен заниматься, Чисоев!

Ответом ему был хриплый смех.

– Не ты! – старик повысил голос. – Что творишь? По закону гор, да?!

Шамиль помолчал, словно подбирая слова.

– А по каким законам, учитель? По советским, как в старом фильме? Нет советских, кончились. И новых нет, одни понятия остались. Кто говорил: человек человеку – волк?

– Римляне...

Вспомнилось из сна: «Как римляне говорили: «Даю, чтобы Ты дал.» Ты мне, я – Тебе...»

– Хорошо жили ваши римляне! У нас не волки – гиены, шакалы. Я виноват, Сан Петрович. Брату не помогал, о делах не спрашивал, советы не давал. Думал, взрослый, разберется. Вот и сбежались шакалы, стая целая. Ничего, нас, Чисоевых, с нахрапу не загрызть! Зубы крепкие, к стоматологу

ни ногой!

Старик отвернулся, пожевал губами:

– Вам виднее, Шамиль Рустамович. Вы – человек современный, предприниматель, депутат. А я, знаете ли, от жизни здорово отстал. Мне в музейной витрине – самое место. Вижу, у вас уже готов план охоты. Чего ждете от меня, грешного? С зубами у меня дела плохи. Возьмусь горло перегрызать – обе челюсти выпадут...

Стальной сейф дрогнул, теряя форму. Ладонь оторвалась от клеенки, скользнула по смуглому, заросшему щетиной лицу:

– Простите, Сан Петрович! Простите, дорогой!

– Ладно...

– И вправду озверел. Простите!

Александр Петрович махнул рукой:

– Хватит! Оба погорячились... Я и впрямь отстал от нынешнего бытия, ничего не попишешь. Но ведь нельзя превращать жизнь в охоту!

Шамиль кивнул в ответ, соглашаясь. Вдохнул:

– Не в охоте дело. Шакалы – говно, шваль. Дела... Разрулю дела: не сам, так крыша прикроет. С Артуром плохо! Со всем плохо, Сан Петрович! Говорят, психика у него. Какая такая психика?! Не верю! Нет у него никакой психики. Ни у кого из Чисоевых психики не было. Беда у Артура, спасти нужно. А как – не знаю. Школу во сне увидел, вас вспомнил...

Старик нащупал рукоять клюки, попытался встать. С первого раза не вышло. Он закусил губу, попытался снова.

Встал.

– Разговоры не помогут. Поехали к Артуру. Где он сейчас?

11:43

...значит, оружия у него нет?..

Грунтовка сбегала с холма, обрывалась возле широкого пруда, карабкалась на дамбу. За прудом возвышался еще один холм. Справа – жиденьякая роща, слева – белые домики под красными крышами. Дальше, до горизонта, зеленел лес. Над кронами деревьев, в дальней дали, гроздьями висели гроздовые тучи. Чувствовалось: армада наготове, собирает силы, ждет своего часа...

– Хитцы, – пояснил Шамиль. – Артур участок купил, дом строить начал. Не для себя, для дочери. Воздуха много, от города далеко. Глушь, дремучие места. Дожди пойдут, так хоть вертолет вызывай!

Александр Петрович взглянул с интересом. Область он знал хорошо, но в «дремучих местах» бывать не приходилось. Ехали полтора часа, и это по сухой дороге.

– Артур там. Он сюда ночью поехал. Как пистолет отобразил, он вначале кричал, шумел. Парней из охраны бить хотел. Потом спать лег. Час спал, вскочил, как на пожар – и велел

ехать в Хитцы. Я к нему в семь утра пришел – опоздал.

– Значит, оружия у него нет?

Бывший классный руководитель скользнул взглядом по белым домикам. Где-то там, в идиллической пасторали, буйствовал Чисоев-младший со своей психикой. Самое время присылать медбригаду соответствующего профиля, но такое Шамилю не скажешь. У депутата тоже психика в полный рост.

– Охрана с Артуром, – рассудил Чисоев. – Пистолет у них. Может, и отдали. Эх, Сан Петрович! «Browning BDAO Compact», сам выбирал, сам дарил! Что еще подаришь мужчине на сорокалетие?

– Удочку, – учитель изучал близкую гладь пруда. – Можно спиннинг. А еще лучше – шахматы.

Шамиль виновато вздохнул.

Пока ехали, пока километры считали, Александр Петрович размышлял, сумеет ли помочь. Решил, что едва ли. Горячий Шамиль не верил в психику, но по всем описаниям выходила именно она. Чисоев-младший был силен, удачлив и до чертиков уверен в себе. Такие ломаются первыми. Хорошо, если охранники догадались придержать подарочный «браунинг».

Что поехал – не жалел. Однажды семиклассник Шамиль Чисоев по горячке умудрился угодить прямым в подрайон милиции. Взбешенный директор заявил, что умывает руки. Поделом хулигану! А он, классный руководитель, пошел

выручать. Вытащил парня, хоть и не без труда. Наслушался комплиментов! Кто во всем виноват? Понятное дело, школа!

Посреди дамбы машину тряхнуло. Шамиль ругнулся, снизил скорость. Александр Петрович оглянулся. Дорога, уползающая назад, выглядела на диво ровной. Никаких колдобин.

– Я чего хочу, Сан Петрович? Хочу, чтобы Артур успокоился, чтобы в город вернулся. Лучше не к себе, а ко мне. Места много, дом большой. Пусть лекарство пьет, отдыхает. А я пока с делами перетру...

Александр Петрович прикинул в уме высоту холма, вставшего перед автомобилем. Вверх посмотришь – гора горой.

– Сценарий понятен. А если не уговорим?

Ответа дождался не сразу. Сперва взревел мотор, переходя на пониженную передачу, затем дрогнули могучие плечи Шамиля:

– Если... Не надо – если, Сан Петрович! Заломаю его, конечно. Пусть он и младший – заламаю, силой возьму. Нельзя, понимаете? Нельзя! Брат брата ломает! Семье позор, роду позор. Кем же мы, Чисоевы, станем?

Старик хотел возразить, но промолчал. Дети выросли...

Первым их встретил экскаватор «Komatsu» – оранжевый «японец» с ковшом наперевес. Заморский гость перегородил узкую улицу, грозно порывивая и вращая стальными гусеницами. Отечественная колея, разбитая еще в допотопные

времена, упорно не желала пускать самурая. Экскаватор сердился, шумел, плевался клочьями синего дыма.

– Ай, Артур! – Шамиль захлопнул дверцу автомобиля. – Скажите, Сан Петрович, зачем ему этот жираф? Чем он думает, жопой, да? Извините...

В том, что самурай объявился в Хитцах по воле младшего брата, Шамиль не сомневался. Как, впрочем, и Александр Петрович. Для такого вывода не требовался Шерлок Холмс с дедуктивным методом наперевес.

– Жираф! – с раздражением повторил бывший шести-классник.

Комatsu-сан то ли услышал, то ли почувствовал. Издав обиженный рев, самурай преодолел вредную колею и бодро пополз дальше.

– Схожу-ка я, Сан Петрович, на разведку. Вдруг он пулемет поставил?

Старик, успев к этому времени разобраться с упрямыцей-клюкой, аккуратно прикрыл дверцу.

– Вместе ходим, – рассудил он. – Даже если Артур решил построить дот, дальше фундамента дело не пошло. Иначе мы бы наблюдали бетономешалку... Шамиль, ты уверен, что мы здесь нужны? Твой брат мог позвать тебя и вчера, и позавчера. Но ведь не позвал!

Чисоев-старший сдвинул густые брови:

– Не позвал, да. Все понимаю, Сан Петрович. Взрослые мы, мужчины. Сами кашу завариваем, сами расхлебываем.

Понимаю, а лезу, спасаю. Я теперь в семье старший, мне перед отцом отвечать.

Сжал ручищу в кулак, выдохнул:

– Эх! Хорошо, что отец не видит! Пойдемте, учитель.

На сей раз старик раздумал поправлять бывшего ученика.

12:12

...стекло не он разбил, и рогатка не его...

– Непустишь, значит?

– Шамиль Рустамович!

– Непустишь? – тихо, без выражения повторил Чисоев-старший. – Меня непустишь?

– Шамиль Рустамович! – парень, бледней смерти, подался вперед. Приложил руку к сердцу: – Простите, ради бога! Что я могу сделать? Артур Рустамович велел: никого. Вася про вас спросил, так он даже отвечать не стал...

Забор был трехметровый. Ворота сияли новым металлом. Парни, стоявшие у калитки, загораживая проход, походили на два мебельных шкафа. Александр Петрович хмыкнул: два шкафа, один сейф. Кто кого?

Внутри, за оградой, урчал мотор самурая. Японца пропустили, как родного.

– Ты меня, Стас, знаешь, – сказал Чисоев-старший. – Убить не убью, но больно будет. Очень больно, да.

Стас развел руками:

– Не надо, Шамиль Рустамович! При исполнении мы. С оружием...

И добавил, морщась:

– Простите! Самому тошно!

– Тошно ему...

Шамиль отступил на шаг, сжал кулаки.

– Чисоев! – напомнил о себе бывший классный руководитель. – Не вздумай!

Шамиль выругался, не стесняясь присутствием учителя. Прищурился, запрокинул голову, ударил взглядом в безоблачное небо:

– Артур! Дун Шамиль йиго! Гьальул магіна щиб? Ты, засранец! Решил, что у тебя больше нет брата? Дида мун битіун вичічіанищ?

Парни отшатнулись – крик был страшен. Громыкнуло, отразившись от ворот, эхо: резкое, жестяное. Казалось, небеса ответили Шамилю ржавой грозой. Александр Петрович едва сдержал усмешку. Силен, Чисоев, силен! Здоров орать, депутат!

Откашлявшись, Шамиль добавил вполголоса:

– Минута – шестьдесят секунд. Жду, потом ухожу.

– Гіедегіуге, брат. Оставайся, гостем будешь.

Старик вздрогнул. Артур Чисоев объявился тихо, как кот.

– ...Это мои дела. Мои!

– Плохо говоришь, брат. Злое говоришь...

– Мои! Не тефтель, справлюсь. Ты врача вези из Израиля, Лившица. Пусть сюда летит, не надо Вику беспокоить. Этим и поможешь. С остальным я сам разберусь.

– Почему сам? Меня гонишь, не пускаешь, да? Перед учителем срамишь?!

– Не гоню, брат. Стройка, экскаватор там. Чаю не выпить, гостя не накормить. Вы меня, Александр Петрович, простите, не узнал сразу. Очень рад вас видеть. Шамиль, ты зачем такого уважаемого человека побеспокоил? Вы нас извините, пожалуйста. Сейчас скажу, нам стол во флигеле накроют. Посидим, закусим, как полагается...

Александр Петрович слушал, не перебивая. Перед глазами был школьный коридор, белые двери классов, высокие окна. И мелкий школьник, пытающийся уйти от ответа. Стекло не он разбил, и рогатка не его, и вообще.

– Надо было позвонить, Шамиль. Предупредил бы, я бы тебя встретил.

– Как позвонить? Куда позвонить?

– Ты что, мой номер забыл?

– У тебя телефон третий день не отвечает!

...и окуроч под партой не он оставил.

– Чи-со-ев!

Братья замерли. Александр Петрович поспешил уточнить:

– Артур! Э-э-э... Артур Рустамович! Вы – взрослый человек, можно сказать, отец семейства. Никого вы пускать не обязаны, ни меня, ни брата. Все правильно, все по закону. Священное право частной собственности, пулеметы на вышках... Я о другом спрошу. Не стыдно, Чисоев? Кому вы нужны в этом мире? Единственного близкого человека гоните. Впрочем, не настаиваю. Если вы пошлете меня к чертовой матери, это тоже будет законно. То есть... Как правильно, Шамиль? По понятиям?

Отвернулся, чтобы взглядом не смущать. Если психика, весь монолог – зряшное дело. Если же нет... Тоже не факт. Дети выросли...

– Ладно! Заходите...

Голос звучал хрипло, натужно. Что называется, надавил, но не убедил.

– Лично я останусь на свежем воздухе, – старик по-прежнему смотрел в сторону. – Шамиль, ты с братом пообщайся, а я возле машины обожду.

– Нет! Не обижайте, будьте гостем. Думаете, я вас не пускал, потому что обидеть хотел? Ошибаетесь, Александр Петрович. О вас беспокоился, не о себе. Но, может, так будет правильно. Заходите, пожалуйста!

Учитель тайком улыбнулся. Никого ломать не пришлось.

12:27

...в каком смысле – оборотень?..

Он ожидал увидеть экскаватор, но первым делом узрел бревно. Желтая, очищенная от коры древесная плоть, сучья тщательно стесаны; нижний, более широкий срез заострен. Рядом, на траве – топор в компании с мелким инструментом. Стамески, скобель, ложечный нож...

А экскаватор где?

– Цього! Цього не пущай! Чуешь, Рустамыч? Пэрэвэртэнь, пэрэвэртэнь!

Голос был дребезжащий, противный. То, что речь зашла о нем, Александр Петрович понял быстро и не удивился. Как это у нынешних называется? Фейс-контроль?

– Пэрэвэртэнь! Вин усю справу загубыть, Рустамыч!

– Зачем так говоришь, Коля? Грех гостя обижать...

– Гэть його!

– Учитель это, географ. Нас с братом учил...

– Нэпростый вин хеограф! Хай гэть идэ! Пэрэвэртэнь!

Дребезжало слева, но вначале Александр Петрович решил найти экскаватор – из принципа. Самурай обнаружился по правую руку, шагах в сорока. Груда рыжей земли, деловитые работяги в темно-синих комбинезонах, вознесенный к небу ковш.

Камень...

Александр Петрович даже моргнул от изумления. Нет, камень исчезать не хотел. Большой, серый, в свежих сколах, он возлежал посреди участка. Не камень, целый валун.

– Вот, брат, беспорядок какой. Сам видишь, нулевой цикл.

– Гэть його, Рустамыч! Гэть!..

Фэйс-контроль бесновался, плюясь липкой слюной. Шамиль не зря поминал психику. Тут она, легка на помине! Старый ветхий ватник, под ним – спортивный костюм, тоже старый. Кеды без шнурков, кепка без козырька, с надписью «Пепси». И, само собой, выражение лица. Это не подделать, хоть сразу в учебник помещай.

А возрастом не вышел. По голосу семьдесят, на деле – ед-ва за сорок.

– Это Коля, сосед, – виновато пояснил Артур. – Он за участком присматривает, за стройматериалами. Тихий, смирный. В Афгане воевал, контузия у него. Лечили – не вылечили. Помогаю, чем могу... Что с тобой, Коля? Гости это: брат мой, учитель. Хорошие люди...

Коля отверз щербатый рот, но предпочел заглохнуть. Псих, а умный!

Фундамент обнаружился сразу за контуженным. Залит основательно, считай, на века. За фундаментом – деревянная времянка, пара контейнеров.

– Плохо мне, Шамиль! Сам понимаешь, свалилось про-

блем – плечи гнутся. Я решил: отвлекаться надо. В городе без меня разберутся.

– Почему не предупредил, брат? Мне не сказал, врачам в больнице не сказал? Тебя ночью искали, Вике совсем худо стало. Ты не волнуйся, вытащим ее! Как так можно, Артур?

– Говорю же: плохо мне. А тут воздух, простор. Дышится хорошо. И за стройкой присмотрю. Забросили работу...

Учитель скользнул взглядом по бревну. Изучил серый валун, оценил деловитость темно-синих работяг:

– Не стыдно врать, Чисоев?

Рядом пискнул псих, белый от страха.

Александр Петрович появился на свет далеко от этих мест – на Дальнем Востоке, где нес службу отец-танкист. В город приехал по распределению, после университета. Украинский, к стыду своему, так и не выучил. Понимать понимал, но далеко не все.

«Пэрэвэртэнь» – оборотень? В каком смысле – оборотень? В незабвенные времена так именовали шпионов: «Клятый пэрэвэртэнь злодийскы пидпалыв колгоспну стодолу...»

А если в прямом значении? Допустим, волколак?

Бред!

12:41

...настоящая «макака»!..

– Откуда камень взялся?

– Откуда камни берутся? Из земли вынули...

– Зачем сюда привезли? Как в парке, для красоты?!

– Декоративный элемент...

– А бревно? Тоже элемент?

– На бревне умывальник пристроят. Или это кол для конкурентов?

– Зачем конкуренту кол? Что с колом делать?

– Чтобы все по понятиям!

Расположились возле разохшейся лавки у забора, подалее от ворот и декоративного элемента. Рев трудолюбивого самурая стал тише, можно было разговаривать, не напрягая голос. Артур обещал подойти, как только разберется с валуном. Спросить его про бревно не успели – и теперь терялись в догадках.

– Не кол это, – рассудил Шамиль, сообразив, о чем идет речь. – У нас что, Турция? Такое только больной придумать может...

Помолчал, ударил кулаком в забор:

– У моего брата нет психики. Нет! Замыслил он что-то, Сан Петрович.

– Что?

– Не знаю! Я ведь чего боялся? Думал, он за пистолет схватится. В кого стрелять станет? Хорошо, если в нас... Эх, почему я с вами не посоветовался? Лучше бы я Артуру спиннинг подарил! Тяжело человеку, плохо. Может, и вправду отвлекься захотел? Как считаете, Сан Петрович?

Учитель вздохнул:

– Я не Шерлок Холмс. То, что замыслил – очевидно. Уверен, ни камня, ни бревна еще вчера здесь не было. Знать бы, чем я контуженному Коле не полюбился...

– Э-э! – расхохотался Чисоев-старший. – Учитель вы, Сан Петрович. Учителя с завязанными глазами узнаешь. А вдруг этот Коля лентяем в школе был? Вдруг ему каждую ночь табель с двойками снится?

Бывший классный руководитель представил себе этот кошмар. Оценил, содрогнулся. Но все-таки, почему «пэрэ-вэртэнь»?

– Странное дело, Шамиль. Ты про сон говорил, что тебе школа снилась. А мне, знаешь, сегодня ночью полная ерунда виделась. Поле, хлеб, у меня на голове кепка... И будто я сам себя в чем-то убеждаю.

– Сон! – пожал могучими плечами Чисоев. – Во сне, Сан Петрович, только с собой и споришь. Никого там, во сне, больше и нет...

Замолчал, прислушался:

– О! «Макака»! Сан Петрович, мамой клянусь: настоящая «макака»!

Александр Петрович открыл было рот, моргнул – и различил еле слышный треск двигателя.

– Мотоцикл? М1А, минского завода? Ну и слух у тебя, Шамиль!

– Когда подсказывали, всегда слышал, – ухмыльнулся Чисоев, довольный комплиментом. – Хоть с последней парты! Мне, Сан Петрович, только шепни! Я «макаку» ни с чем не перепутаю, у отца такая была...

Экскаватор заглушил мотор, давая гостям вволю насладиться трескучими руладами нового визитера. Двигатель рыкнул с надрывом, чихнул и заглох. Охранники кинулись к воротам. Артур, махнув рукой работягам, шагнул к калитке.

Учитель и ученик переглянулись:

– Пойдем и мы?

– Пойдем, да!

12:55

...уговор: не перебивать...

...Оранжевый шлем, желтая выцветшая штормовка. Черная «макака», коричневый чемоданчик на багажнике, пачка «Примы» в руке. Ретро во всей красе – едущее и курящее. Человек в шлеме отдал мотоцикл набежавшим «шкафам», устало размял шею, бросил сигарету в рот.

Зажигалка...

Артуру мотоциклист кивнул без особого почтения, как

старший – младшему. Шлем снимать не стал, так и курил, словно космонавт перед стартом в памятной песне.

– Извините! – прокомментировал ситуацию Артур. – Еще пара минут...

И удрал куда-то. Шамиль шагнул за братом, но Александр Петрович придержал ученика за крепкий локоть:

– Не надо!

Слева – заглохший Komatsu-сан. Прямо – ворота, возле них курит «космонавт». Правее – контуженный Коля с пластиковым стаканчиком в руке. Шкафы-охранники при мотоцикле. Стас чемоданчик от ремней освобождает, Вася страхует, чтобы враг не подобрался.

Чуть ближе – бревно во всей красе.

Не нравилось Александру Петровичу это бревно. Раздражало. Старик даже слегка разозлился на себя за беспричинную, глупую мнительность.

Окурок «Примы» упал на землю, под каблук грязного ботинка. «Космонавт» расстегнул ремешок, не без труда стащил шлем с лысой головы. Огляделся, заметив гостей, дернул подбородком. То ли поздоровался, то ли наоборот.

– Вежливый! – хмыкнул оскорбленный Шамиль.

Александр Петрович готов был с ним согласиться, но что-то удержало. Лысому нахалу за пятьдесят, лицо – сушеная груша. Губы не бледные – белые... А если цвету прибавить, годы же, напротив – отнять? Минус двадцать пять, морщин нет, губы яркие. Вместо лысины – модная прическа... Нет!

Не прическа – грива, смоляные космы дыбом.

– Валентин? Валентин Иванович!

Владелец «макаки» сделал шаг вперед:

– Простите? Вы... Не может быть!

Радости в голосе не звучало. Скорее – крайнее удивление.

– Александр Петрович, если не запамятовал? Как же, как же! Заслуженный учитель, доска почета... Да-а, не красят нас годы. Хотя... Знаете, рад, что вы живы. В последнее время коса разгулялась. Не хочется и телевизор включать...

Рывком выбросил ладонь вперед, затем протянул руку Шамилю.

– Ну, с вами все ясно. У вас череп такой же, как у брата. Чисоев... Шамиль Рустамович, как я понимаю, депутат и чемпион. Два года назад обещали отремонтировать комплекс «Динамо», год назад тоже обещали...

– Д-да, – согласился депутат и чемпион.

К чему это «да» относилось, Шамиль уточнять не стал.

– Вы же не знакомы! – сообразил Александр Петрович. – Перед тобой, Шамиль, вечная головная боль нашего районо – Валентин Иванович Пашин, учитель рисования и черчения. Ты его не застал, он года через два пришел после твоего выпуска. Если не ошибаюсь, художник-абстракционист...

– Вот этого не надо! – отрезал «космонавт». – При вашей совдепии, Александр Петрович, всякий, кто не подражает Шишкину или Герасимову – абстракционист по определению. Художественная концепция Никиты Сергеевича живет

и торжествует! Но ругаться не будем, мне еще работать...

Отошел назад, глянул на Чисоева-старшего. Прищурился:
– Богатая натура! Шамиль Рустамович, хотите бюст? Дорого не возьму, я, слава богу, не Церетели. Только дерево нужно.

Шамиль покосился на бревно. Уловив его мысль, художник рассмеялся:

– Нет, сосна не годится. Вы – человек богатый, купите в Бразилии кубометр квебрахо. Получится не хуже, чем у Эрзи. Да что там не хуже – лучше! В сто раз лучше!

– Соглашайся, – хмыкнул, повеселев, Александр Петрович. – Валентин портрет твоего брата писал, когда тот в девятом классе взял республиканское «серебро» среди юниоров. В музее портрет висит. Не в школьном, в областном.

– Ха! Портрет! – обрадовался Чисоев-старший. – Помню портрет, да. Так это вы рисовали? Ай, хороший портрет... Договорить, однако, не успел.

– Горе вам, поганцы-язычники!

Коля-контуженный рвался в бой – со стаканчиком наперевес.

– Як сказано: наполнилася зэмля його идоламы! Вони поклоняються справи рук своих, тому, що зробылы пэрсты их. И прэклонылася людына, и прынызылася!..

– Исаяя, глава восьмая, – отбил удар Александр Петрович. – И что?

– Видийдоть вид них и до мерзоты не торкайтесь! Бо вин

– усий мерзоти батька й заводчик!..

Рука со стаканчиком дернулась в сторону художника. Тот открылся, но высказаться не успел.

– Коля, зачем? Не надо, Коля!

– Батька й заводчик!

– Он художник, меня учил рисовать...

– Заводчик и батька!

– ...хороших людей учил...

Появившись, словно из-под земли, Артур обнял контуженного за худые плечи, отвел к лавке. Усадил, вручил стаканчик, оброненный на землю – пустой, к великому сожалению Коли.

– Еще один Никита Сергеевич, – прокомментировал художник. – Но этот все-таки головастей будет. Библию читал!

– Не читал, – Артур вернулся к гостям. – Коля как с войны вернулся, один остался. Отец пил – умер, мать пила – умерла. Ему священник помогал, из соседнего села. Вот и наслушался... Валентин Иванович, вы инструменты видели? Я, что мог, собрал.

– Топор видел, – отрезал «космонавт». – Я, господин заказчик, свой набор привез. А вы нашли какую-нибудь фотографию? Рисунок? Я только одну картинку в интернете отыскал.

Чисоев-младший выразительно развел руками. Художник скривился и, небрежно кивнув честной компании, направился к бревну. Александр Петрович хотел воспользоваться мо-

ментом, дабы прояснить вопрос, откашлялся...

– Тюрьма каменна, ой, высока,
Ничего в ней не видать,
Только видно, только чутко
Часовой: «Пойдём гулять...»

От неожиданности старик вздрогнул – уж больно громко орал контуженный. Шамиль, нервами покрепче, выразительно втянул воздух ноздрями:

– Э, брат! Ты чем Колю своего лечишь? Коньяк, да? «Кизляр»? Смотри, не залечи. Дрянь лекарство, я тебе скажу...

Редко кому удавалось увидеть смутившегося Артура Чисоева, Железного Артура. Как будто и впрямь рогатку под парту уронил.

– Пусть пьет. Коньяк сосуды расширяет. Веселый будет, добрый будет...

Добрый и веселый Коля подтвердил благим матом:

– Выводили в чи... в чисто поле
И давай меня ковать,
Заковали ру... руки-ноги
И давай в меня стрелять!

Качнув лобастой головой, Артур внезапно стал очень серьезным:

– Шамиль! И вы, Александр Петрович! Не хотел говорить,

сам все думал решить. Потому и не звонил, не пускал. Стыдно мне теперь. Раз вы приехали, значит, судьба. Пойдемте, все расскажу, объясню.

Он поднял руки, словно защищаясь:

– Только уговор: не перебивать. Не вам говорю, Александр Петрович. Тебе говорю, брат. Я бы на твоём месте не удержался, перебивать бы стал. Я стал бы, а ты, Шамиль, молчи. Прошу, молчи!

Отвернулся, сгорбил плечи.

В спину ударило:

Девятнадцать пуль, пуль про... пробило
Мимо правого плеча,
А двадцатая, ой, зло... злодейка
Погубила молодца!

13:33

...уйду от Него...

Майское небо над головой. Легкий ветер, запах потревоженной земли. Бензиновый дух, еле ощутимый аромат сирени. А Чисоев-младший украдкой пот с виска утирает.

– Не с себя начну – с пистолета. Я тебя, Шамиль, знаю. Ты сюда ехал и о пистолете моем думал. Обо мне тоже, но о пистолете – больше. Вот он, «браунинг». Смотри! Ни в кого не стрелял, никого не убил. Нет, брат, не отдам, пусть у меня

будет. Пока ствол у меня, я сам себе хозяин, вольный человек. Успокойтесь, я не сумасшедший, не бедный Коля. Сомневайтесь, Александр Петрович? А вы обождите с сомнениями, вы дослушайте.

Лавочка. Трое мужчин плечом к плечу. У двоих лица – спутать можно.

– С чего начну? С логики начну. Я, Александр Петрович, заочно учился. Спортсмен, да? В здоровом теле – здоровый дух. Здоровенный, аж страшно! Но кое-что помню. Логiku нам умный дядька читал. Говорил, искать надо самое простое объяснение. Скальпель Оккама, так? Если у тебя с тарелки исчез кусок колбасы, его скорее всего кошка-Мурка ukrала, а не американский спецназ. Логика! Когда я после всего, что случилось, думать смог, что мне первым в голову пришло? Узнали враги-шакалы, что с Викой беда, что не до бизнеса мне – и накинулись, разорить решили. Логично? А чтобы я их не удавил, дочь ukrали, заложницей сделали. Эх, Александр Петрович! Когда вы Шамяля уму-разуму учили, такое только в кино было, да? В американском, детям до 16-ти, вечерний сеанс...

Пустая кобура на коленях. В крепкой ладони – «браунинг». Не за рукоять взят, за ствол.

– Скажу честно, хотел застрелиться. Потом думаю: нет! Мы, Чисоевы, крепкие орешки. Разберусь! И тут прилетел волшебник в голубом вертолете. Дела в гору пошли, кубарем к счастью несет. Письмо получил. Дочка, понимаешь! Одних

забрали, других даем. Кто дает, а? Сумеешь ответить, брат? А вы, учитель? Молчите, после скажете...

Крик птицы. Черный силуэт в небе, острые крылья, беззвучный полет. Влево, вправо, вверх, в зенит. Вспугнули? Или сама врага ищет?

– Сорвался, да. Нервы? У дамочек нервы, у мэра нервы. Чем я хуже? Опять же, коньяк, будь он неладен... Пережмнуло! Логика винтом завилась. Может такое быть, как со мной? Не может, а есть! Скрутило меня, вывернуло... Молчи, Шамиль! Не говори ничего! Не мог я к тебе поехать. Боялся своей бедой заразить. Понял – с ума схожу, без возврата. Взял пистолет... Эх, Александр Петрович! Сильная у вас рука, но, знаете, у меня сильнее. Не надо «браунинг» хватать. Если я дважды не застрелился... Хорошо, выну патроны. Вот, вынул уже...

С небес, с тех краев, куда умчалась черная птица, трое мужчин казались мелкой точкой посреди желто-зеленого простора. С первого взгляда и не заметишь, а заметишь – не разглядишь, не услышишь. Тихо звучит усталый, охрипший голос с еле различимым южным акцентом:

– Вот патроны. Смотри, брат! Не стреляться я хотел – ей, Костлявой, в глаза взглянуть. Чтобы на самом краю силы найти, в разум вернуться. Повернул стволом к себе, вот так повернул. Поглядел – увидел. Не было там смерти. Он был, живой. На меня смотрел и смеялся. Ты, смеялся, весь мой. На ниточках ходишь, на ниточках пляшешь. А умрешь – со-

всем мой будешь. Хочу – сварю, хочу – изжарю. Ах, как Он смеялся! Не понял, брат? И вы не поняли, учитель? Почему?! Я же все объяснил! Нет? Тогда добавлю: не мой Он, чужой! Уйду от Него, не сегодня уйду, так завтра!

15:01

...за год уже третьего истукана...

Чисоев-старший спрятал мобильник, взглянул с вопросом. Александр Петрович развел руками:

– Тут я не советчик. Но предпочитаю верить специалисту.

Шамиль кивнул:

– Лившиц – чудодей. Если говорит, что Виктория полет выдержит, значит, будем отправлять. Через час самолет, я распорядился.

Бывший классный руководитель на миг задумался:

– Но... Там же согласие мужа требуется!

– Хе! – Шамиль усмехнулся. – Еще вчера оформил. У нас с Артуром подписи всего на одну букву различаются. Взял грех на душу. Если бы так все проблемы решить! Погорячился я насчет психики, Сан Петрович! Кто же его знал, что у меня не брат, а сплошная психика? В кого пошел, балбес?

Что ответишь? Объясняться Артур не стал. Задал загадку – и к валуну удрал, экскаватор будить. Тот и рад, взревел, ковшом взмахнул...

– Если что, буду его ломать, – подвел итог Чисоев-стар-

ший. – Не хочу, чтобы другой пулю получил. Он, Сан Петрович, хитрый, не все патроны вынул. Проморгали, да? Семь патронов у «браунинга», а на ладони три штуки лежало. Оставшихся и на нас хватило бы, и на художника. Зря я вас сюда притащил...

– Не зря! Ты, Чисоев, не паникуй. Ясно?

Шамиль осекся, поджал губы:

– Ясно...

– Не помешаю? Или у вас тут секреты?

Валентин Иванович, на помине легок, обозначил свое присутствие запахом скверного табака. Плюхнулся на лавочку, закусил зубами новую «Приму»:

– Оконтурил, можно резать. Жаль, заказчик торопит. У вашего брата, Шамиль Рустамович, гости намечаются? Он здесь целый Луна-парк затеял...

Ответа художник не дождался, но ничуть не был смущен.

– А вообще-то, дожил. Только что сдал заказ – мебель под Четырнадцатого Луя. Чтобы, значит, не хуже, чем в Версале. Вы бы видели этого заказчика! Его бы даже на версальской конюшне пороть отказались... Или вдоль рожи бы высекли, по ошибке. Идол еще ладно, отвлекусь...

– Простите? – Александр Петрович моргнул. – Идол?!

– Бревно видели? Как наш псих вещал? «Наполнылася зэмля його идоламы...» Между прочим, Коля угадал. Я этой мерзости не батька и не заводчик, но за год уже третьего истукана ваяю. Странная, признаться, мода у наших богатеев.

– Истукан? – очнулся Чисоев-старший. – Какой истукан? Зачем истукан?

Вместо ответа художник извлек из бокового кармана штормовки лист бумаги, сложенный вчетверо. Развернул, отдал Шамилю. Тот взглянул, поднес ближе к глазам:

– «Согласно законам иерархии, в любом пантеоне имеется верховный бог, часто с функциями громовержца, которому подчиняются все остальные боги. В этом смысле аварский языческий пантеон весь типичен...» Не понимаю, объясните!

– Рисунок – первый сверху. Аварский верховный бог-громовержец Бечед. Идол найден в позапрошлом веке, сейчас хранится в Эрмитаже. Если, конечно, не продали какому-нибудь коллекционеру...

Бывший классный руководитель качнулся к рисунку. Идол ему не понравился. Больно суров. Больно... Крепкая, безжалостная ладонь стиснула сердце. На миг перехватило дыхание. Таблетки лежали в кармане. Ничего, справимся – не впервой. Александр Петрович отвернулся, боясь не совладать с лицом. Ладонь разжалась, отпустила добычу.

– Ха!

На большее депутата и чемпиона не хватило. Лист вернул, голову склонил.

Нахмурился:

– Может, это я спятил, а? Может, это мне жену спасти надо? Дочь спасти, дело спасти? А я в Бечеда-мечеда игра-

юсь?! Кто мне объяснит?

Желающих не нашлось. Ответила птица, промелькнув молнией над головами. Крикнула, умчалась ввысь. Эхом до-неслось знакомое:

– Тюрьма каменна, ой, высока,
Ничего в ней не видать,
Только видно, только чу... чутко...

– Нож! – вспомнил Александр Петрович. – Должен быть еще нож, каменный.

Художник оглянулся:

– А? Так я же по камню не работаю. Дал Артуру адрес нашей мастерской, где памятники ваяют. Они ему хоть нож, хоть вилку, хоть «Мерседес» из лабрадора. Ладно, товарищи, хорош баклуши бить. Пойду аванс отрабатывать...

Дернул подбородком и был таков. Учитель смотрел, как «не-Церетели» идет мимо работяг, суесящихся вокруг валуна. Хмурился, кусал губы.

– Нож? – изумился Шамиль. – Нож-то для чего, Сан Петрович?

– Для кого...

Ответил, не думая. Перед глазами желтело хлебное поле – без края, без смысла. Узкий проселок, горячая летняя пыль. Маленький человек, сидевший у края дороги, оказался не слишком сговорчив. Но педагогика – великая наука.

– «Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю

плоть сына своего...»

– Что?

– Исход, Шамиль Рустамович. Исход, глава 4.

Сказал и удивился. Не тому, что о Сепфоре, супруге Моисеевой, вспомнил, а тому, что ученик самых простых вещей не понимает. Кровавые жертвы приносят только каменным ножом. Альфа и омега, дважды два – четыре.

Чисоёвы, впрочем, мусульмане.

– В Коране этого нет. Коран читали?

– Дядя Расул рассказывал...

– Сепфора – Птица. Супруга пророка Мусы, дочь Иофора, жреца и вождя мадианитян.

В ответ раздался странный звук: мычание или стон. Бывший шестиклассник с трудом усваивал новый материал. Учитель улыбнулся. Ничего, сообразит! Александр Петрович встал, ткнул клюкой в сухую, покрытую ржавой травой землю. Загадка оказалась из простых. Теперь можно и к Артуру: вразумлять. Но можно и обождать.

Можно? Нужно!

Он зажмурился: крепко-крепко. Вновь увидел поле – яичный желток до горизонта. Вдохнул жаркий воздух. Если ближний твой согрешит, уличи его, и если он покается, прости его. Но сначала требуется уличить.

– Сан Петрович! Сан Петрович!

Могучая ладонь осторожно, боясь навредить, прикоснулась к локтю. Александр Петрович покосился на растерян-

ного депутата и чемпиона, прикинул, с чего лучше начать объяснение. Или не объяснять, а сразу в лоб? Парень крепкий, выдержит.

– Кумиры богив йих спалытэ вогнэм! Спалытэ! Спалытэ!..

– Эй, Коля, ты куда? Куда?!

Вопрос был лишним. Контуженный бежал напрямиком к бревну, возле которого трудился художник. В левой руке – канистра, в правой – спичечный коробок.

– «Кумиры богов их сожгите огнем», – кивнул учитель. – Второзаконие, глава 7. Зря Артур где попало бензин оставляет!

– Коля! Стой, стой!..

Охрана сообразила – пустилась вдогон. Артур тоже бросился наперерез идолоборцу. Псих, быстро оглянувшись, изменил направление, рванул по большой дуге вдоль забора.

Лысый художник на миг отвлекся от работы, пожал плечами и снова взялся за инструмент.

– Хватай его! Хватай!

– Э-э! – внезапно расхохотался Чисоев-старший. Смех вышел скверный, злой. – Понял я, Сан Петрович. Понял, почему нож! Нет, учитель, это не я с ума сошел, и не брат мой. Мы все тут спятили. Громовержец Бечед, понимаешь! Отец наш – комсомолец, потом – коммунист. Дед – коммунист, бабушка – комсомолка...

– Отдай канистру! Отдай, говорю!

Колю настигли, прижали к забору. Схватить, однако, не

сумели. С невиданной резвостью псих открыл крышку канистры, окатил себя бензином. Выхватил спичку из коробка, словно клинок из ножен.

Подоспевший Артур вцепился в охрану, как клещ:

– Нет! Не трогайте! Отойдите!..

Парни отступили на шаг. Псих присел на корточки, прижал канистру к животу, сдавил коробок зубами.

– Допустим, мы рехнулись, – задумчиво продолжал Шамиль, любуясь Колиной буффонадой. – Допустим! Тогда объясните мне, Сан Петрович, что Коля задумал. Самоубийство, блядь... Извините! Самоубийство – грех смертный. Тут гореть начнет, в аду продолжит. Вечно! Как дядя Расул говорил? “И всякий раз, когда их кожа обгорит, ее заменим Мы другою кожей, чтобы дать вкусить им наказание сполна”. Э-э! Надо же, вспомнил! Или здесь место такое, Сан Петрович, дорогой?

– Помещу тебя в преисподних земли, в пустынях вечных, с отшедшими в могилу, – старик усмехнулся. – Может, место, а может, обстоятельства.

Коля держал канистру мертво. Лишь только чьи-то руки приближались к ней, немедленно грозил спичкой.

Рычал. Плевался.

– Оставьте его! – крикнул учитель. – Артур, пусть сидит! Себя он жечь не станет!

Псих услышал, ощерился, блеснул горячечным взглядом:

– Сижу день цельный за решё... за решёткой,
В окно тюремное гляжу,
А слёзы катятся, братишки, потихо... потихоньку,
По исхудалому моему лицу!

С коробком в зубах песня вышла на ура.

– Интересно, где его Афганистан расположен? – лицо Ша-
миля пошло пятнами. – Видел я таких «афганцев». Еще ко-
гда в Добровольную народную дружину ходил. Случалось,
по дюжине за вечер в подрайон притаскивали.

– Сижу я цельный день в хала... халате,
На йом сплошные рукава,
Фуражка новая на вате,
Щоб не промёрз... промёрзла голова...

Охранник Вася остался дежурить возле певца. Охранник
Стас вместе с хозяином направился к гостям. Артур шел впе-
реди, ступал широко, полной стопой. Взгляд прятал, смотрел
то на землю, то на носки модных туфель.

– Глупый я, Сан Петрович, – вздохнул Чисоев-старший. –
Полтинник прожил, а ума не нажил. Пистолет надо было
брать. Говорили мне мои ребята, пускать одного не хотели...

Младший брат услышал или почувствовал. Остановился,
скривил рот.

Шаг, еще шаг...

– Хотел бы го... голыми руками
Я цепь железную порвать,
Да жаль, братишечки, я с кандалами,
Мне всё одно не убежать!

Псих умолк.

– Весело живем, да? – оскалился Артур. Оскал, судя по
клыкам, был семейный, наследственный. – Хватит играть,
Шамиль! Что ты хотел – увидел, что надо – услышал. Все я
тебе рассказал, ничего не скрыл. Как брата, прошу, умоляю:
оставь меня по-доброму! Дай дело закончить. Не за себя, за
тебя боюсь. И за уважаемого Александра Петровича боюсь.
Не хочу, чтобы пострадал кто-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.